
Адвокатский детектив
Звездный час адвоката
+ подарок для всех читателей: советы члена адвокатской палаты Натальи Борохово «Как женщине-водителю защитить себя на дороге»
Наталья Борохова

Наталья Евгеньевна Борохова

Звездный час адвоката

Серия «Адвокатский детектив»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=178924
Звездный час адвоката: Эксмо; М.:; 2009
ISBN 978-5-699-33566-4

Аннотация

Диана и Ольга дружили всю жизнь, с самого детства. Но закончилась дружба трагически: Ольга Крапивина, опытная альпинистка, погибла – ее сбросили со скалы. А обвинили в убийстве… Диану Данилевскую, ставшую известной писательницей. Упорно ходили слухи, что между закадычными подругами встал мужчина… Адвокат Елизавета Дубровская прилагала все силы, чтобы освободить Диану, но та явно что-то скрывала от своего защитника. Находясь под следствием, Данилевская начала новую книгу – автобиографическую повесть, в которой пообещала раскрыть все тайны. Не закончится ли она признанием в убийстве?..

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 12
Глава 3 23
Глава 4 32
Глава 5 37
Глава 6 41
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Наталья Борохова
Звездный час адвоката

Глава 1

…Невысокая полная женщина, из тех, о которых принято говорить «в теле», крадучись подобралась к группе громкоголосых журналистов и спряталась за спиной одного из них. Надо сказать, прикрытие было ненадежным. Журналист был тощ, как весенний грач, да плюс к этому еще и неумеренно энергичен. Он громко рассказывал что-то своим коллегам, раскачиваясь туда-сюда на своих длинных ногах, так что из-за его спины попеременно вылезала то необъятная грудь, обтянутая цветастым ситцем, то нескромных размеров зад отважной разведчицы. Но женщине не было до этого никакого дела. Она нашла удобный пункт для наблюдения, и сдвинуть ее с места не смог бы и многотонный буксир. Нетерпеливым жестом она подозвала к себе свою спутницу, тоненькую молодую девушку.

– Вон она! – сказала толстуха, тыча пальцем куда-то в сторону крыльца, где также толпились люди.

– Да где же? Где? – спрашивала девушка, сгорая от нетерпения. – Это та, что в костюме и с портфелем?

– Да нет же! Экая ты, право, бестолковая, – с досадой бросила женщина. – Это ее адвокат. Писательница – другая. Вон та, в темных очках, стоит у стеночки как ни в чем не бывало.

– Так это та, написавшая «Прыжок в бездну»? – ахнула ее молоденькая собеседница, прикрывая рот ладонью.

– А я о чем тебе толкую? Неужели ее трудно узнать?

– Ну, на обложках своих книг она смотрится куда краше!

– Интересно, как бы выглядела ты на ее месте, – насмешливо обронила толстуха. – Она – убийца, детка, а за это, как ни верти, придется отвечать. Поговаривают, что теперь остаток жизни ей придется провести в тюрьме.

– Во всяком случае, ей будет там чем заняться, – пожала плечами девушка. – Писать книги можно и в неволе. Как ты думаешь, не взять ли мне у нее автограф?

– Ты с ума сошла? – напустилась на нее спутница. – Выбрось это из головы! Не забывай, с кем ты имеешь дело. Ну а если ей это не понравится? Что до меня, я умываю руки.

– Ну, не убьет же меня она? – пожала плечами девчонка. – Тем более на крыльце Дворца правосудия! Эй, да что с тобой?

– Она смотрит на нас, – прошипела толстуха, тщетно пытаясь как-то замаскироваться за спиной вертлявого журналиста.

И правда, писательница на крыльце сняла очки, и теперь ее темные глаза, непроницаемые, как ненастная ночь, уставились прямо на болтающих зевак. Женщины могли поклясться, что в ее взгляде не было и искорки дружелюбия. Так смотрят на копошащихся на полу тараканов, занося над ними домашнюю туфлю, чтобы в следующий момент их безжалостно прихлопнуть.

– Сматываемся отсюда, – приняла поспешное решение девушка.

– А как же автограф?

– Не очень-то он мне и нужен…

Разумеется, Диане Данилевской были видны «хитрые» маневры ее поклонниц. Кстати, поклонниц чего? Всего несколько месяцев тому назад она без ложной скромности могла заметить: «Моего таланта, черт возьми! А чего же еще?» Но времена изменились. И теперь,

глядя в горящие от любопытства глаза людей, она не могла сказать определенно, читали ли они хотя бы страницу из ее книг, или их принесла в зал заседаний волна газетной шумихи, поднятой вокруг ее имени. Они казались совсем не такими, какими она привыкла видеть своих читателей. Те, другие, конечно, тоже могли быть всякими: мягкими, доброжелательными – и жесткими, непримиримыми; почитателями ее романов и безжалостными критиками. Одни хвалили ее язык, другие ругали, первые восторгались красотой слога и увлекательностью сюжета, вторые спешили низвергнуть ее с пьедестала, заявляя, что все ее идеи не новы, а литературные приемы банальны до невозможности. Но все они не могли поспорить с главным: она была популярна и любима читателями. Что к этому можно было добавить еще?

Эти же странные люди, день за днем заполнявшие зал судебных заседаний, глазевшие на нее в коридоре, были иными. Их было много, и они казались назойливыми, болезненно любопытными. Они вызывали у нее такое же отвращение, какое обычно она испытывала к любителям чужих похорон, к милым, добрым старушкам, болтающим у подъезда и бесцеремонно разглядывающим скорбящих родственников. Это было невыносимо, и ей хотелось, наплевав на все приличия, отпустить в их адрес что-то совсем не литературное. Иногда Диана задавала себе вопрос, что бы произошло, если бы она пренебрегла условностями и изложила свои мысли по этому поводу в коротком и ясном непристойном выражении. Представив, как вытянутся от изумления лица зрителей, она испытывала тихую радость. Как ей хотелось набраться наконец храбрости и проделать это! Но, к сожалению, она была слишком хорошо воспитана. Или все же труслива?

Положа руку на сердце, любопытство зрителей можно было понять. Такой сюжет они могли увидеть разве что в кино, ведь действительность была куда бледнее вымысла. Так было всегда, но только не в ее случае. Дело Дианы Данилевской словно сошло со страниц захватывающей книги, автор которой решил закрутить сюжет до предела, как пружину. Публика изумлялась и негодовала. Автор серии остросюжетных романов сама совершила убийство! Это невероятно, но она отправила на тот свет свою лучшую подругу. В деле была пикантная особенность, которую охотно смаковала пресса: задолго до совершения преступления автор сама описала его в своей очередной книге – совсем как в фильме «Основной инстинкт»! Такой холодный расчет поражал воображение даже законченных циников. По всей видимости, криминальный талант госпожи Данилевской проявился куда раньше литературного. Ведь если бы не дотошность следователей, странное происшествие с подругой писательницы могло бы по-прежнему числиться в статистике несчастных случаев…

Диана снова надела очки. Глупая затея, конечно, укрываться под тонированными в бронзовый цвет стеклами в тщетной надежде на то, что так ее никто не заметит. Ветер гнал по небу серые обрывки облаков, и солнечные очки в пасмурный весенний день могла носить только она. Но Данилевская чувствовала себя спокойнее уже оттого, что никто из этого пестрого людского муравейника не сможет увидеть ее глаз.

Она закурила сигарету, но, заметив, что руки дрожат, сердито отбросила ее в сторону. Признаться, она могла бы воспользоваться и урной. Тем более один из журналистов уже скорчил презрительную гримасу. Еще бы! Известная писательница мусорит где попало. Неудивительно, что ее обвиняют во всех этих страшных вещах.

Долой образ рафинированной дамочки!

«Ты слишком правильная, – выговаривала ей когда-то подруга Ольга. – При тебе нельзя ни сплюнуть, ни выразиться от души. В наше время кисельных барышень не особо жалуют».

Так она и говорила – «кисельных» вместо «кисейных», беззлобно подтрунивая над впечатлительной Данилевской. В этом была вся Ольга… Где она теперь? Лежит под могильным камнем, а ветер колышет над ней траву. Она ушла в небытие, как птица в небо, оста-

вив ей в утешение воспоминания и небывалую известность. Успешная писательница, каких немало, стала после ее смерти редкой знаменитостью. Сначала скупые сообщения в прессе о гибели скалолазки, прообраза известного литературного персонажа из романа Данилевской «Прыжок в бездну», подхватило телевидение. Тема оказалась занятной, а слухи о необычном происшествии росли и множились, превращаясь на глазах в гигантский снежный ком. Общественность была взбудоражена. Книги Данилевской смели с книжных прилавков в один день, а ее рейтинги подскочили до небес. Судебный процесс по делу автора побил все рекорды популярности и оставил далеко позади громкий скандал в отношении крупного политического деятеля, поимку очередного серийного маньяка и даже землетрясение в Китае. Если кто-нибудь несколько месяцев назад мог предсказать Диане, что ее фотографию напечатают на обложках всех самых известных журналов, она бы только недоверчиво улыбнулась. Она всегда была неравнодушна к славе и, пользуясь любым удобным случаем, пыталась засветиться перед камерами. Теперь же все перевернулось с ног на голову. Журналисты сами бегали за ней, предлагая неслыханные деньги за интервью. Они обрывали ей телефон, караулили около дома, а на днях муж обнаружил несколько особо предприимчивых экземпляров сидящими на дереве аккурат напротив их спальни. Если бы не странное оцепенение, охватившее ее в дни ожидания решения суда, Данилевская могла бы сколотить себе значительное состояние. Но, измотанная до предела, с воспаленными от бессонницы глазами, она ждала развязки всей этой чудовищной истории, спрашивая себя: стоила ли та необычайная слава, которую она в конце концов получила, гибели женщины, которую некогда она считала едва ли не сестрой…

Павел Максимов на этот вопрос мог ответить категорично, без лишних раздумий. Нет, никакая слава не стоила тех испытаний, которые свалились на голову его бедной жены в последние месяцы. Пожалуй, он переживал даже больше, чем она. Он похудел, осунулся, а под его глазами появились мешки, покрытые тоненькой сеточкой первых морщин. Что до него, то он знал определенно, что его Диана не нуждается в известности и больших деньгах. Он любил ее такой, какой она была до всей этой шумихи: милой, чрезвычайно ранимой, немного наивной и бесконечно желанной. Иногда, чтобы сделать им приятное, их называли красивой парой, но он знал, что ему немного льстят. Конечно, они оба были высокие, стройные, темноглазые и темноволосые, и отдаленно казалось, что их вылепили из одного теста – не это ли признак идеальной пары? Но Диана была куда ярче его, намного интереснее и более живой. Он казался бледной тенью на ее фоне, и это его изрядно огорчало, особенно в тот период, когда их отношения только начинались. Потом стало полегче.

Они жили тихо и счастливо в своем небольшом домике с палисадником. Вечерами она писала свои книжки, а он готовил ужин. Потом они долго сидели на крыльце, наслаждаясь закатными часами, и говорили, говорили… Он рассказывал о том, как прошел день. Она пересказывала ему сюжет очередного романа. Никто им не был нужен. От детей было бы много шума, и хрупкая гармония семейной жизни нарушилась бы из-за их капризов, вечных соплей и грязных штанишек. Какой человек в здравом уме предпочтет тихим семейным вечерам обычную суматоху большой семьи?

От друзей тоже было бы немного проку. Глупые вечеринки за полночь и пустые разговоры ни о чем кого угодно выведут из себя. Павел давно выставил за порог всех любителей дружить домами и немного огорчался оттого, что жена не хотела последовать его примеру. Конечно, Диану трудно было упрекнуть в чрезмерной общительности, но одна ее подруга, Ольга, портила им жизнь подобно целой дюжине друзей. Она заявлялась всегда не вовремя, громко говорила в своей обычной категоричной манере, беспричинно смеялась, да еще смотрела на него, хитро прищурив свои зеленые глаза. О мертвых, конечно, не принято говорить дурно, но Павлу казалось, что их жизнь без Ольги была намного гармоничнее. Например,

кто посоветовал жене подписывать свои книги девичьей фамилией? Все она, эта чертова подруга.

«Подумай, дорогая, – говорила она, попыхивая сигаретой. – Когда-нибудь ты станешь знаменитой. Что тогда ты будешь делать с этой его фамилией *Максимова*?» Фамилию его предков она произносила как-то особенно, презрительно сморщив нос, точно в самом ее звучании ей уже слышалось что-то неблагозвучное. «Этих Максимовых по миру – пруд пруди! Другое дело – Данилевская. А, как звучит? И какое сочетание: *Диана Данилевская*. Я даже вижу смелый росчерк – „Д. Д.“ – на обложках твоих книг. То, что нужно для звезды!»

Это она заразила Диану звездной болезнью, заставив ее поверить в блестящее будущее. А ведь было время, когда его жена скромно преподавала английский в спецшколе и мечтала только о летнем отпуске. Как счастливы они были тогда! Оседлав велосипеды ранним летним утром, они наматывали километры до ближайшего пляжа. Лежа на пушистых белых полотенцах, они дурачились, посыпая друг друга песком. Он и сейчас помнит ее горячее, нагретое солнцем тело, мягкие настойчивые губы. Конечно, до дома они не выдерживали. Бросив велосипеды в траву, они уединялись в лесу, где и занимались любовью под пение птиц и журчание ручья. Усталые, но счастливые, они возвращались домой, где ждал их любимый вишневый сад и терпкое домашнее вино. Он кормил ее вишней с рук, нежил в своих объятиях, баюкал, как дитя, ночью. Она отвечала ему взаимностью. Им не было дела ни до кого вокруг. Телефон молчал неделями, и их это абсолютно не волновало.

Ну а потом пришла к ней эта слава, ставшая серьезным испытанием для их отношений. Нет, он не ревновал ее к успеху, искренне полагая, что его Диана заслуживает всего самого лучшего. Он готов был прозябать в безвестности, ничуть об этом не переживая. Но ее книги воровали у них драгоценное время, которое они могли бы проводить вместе. И пришла пора, когда вместо тихого поцелуя и долгой прелюдии на ночь он услышал раздраженное: «Ложись один. Мне еще нужно поработать».

Он был обижен, но терпел, понимая, что должен это делать ради нее. Конечно, теперь он мог бы извлечь из ситуации немалую радость, повторяя, что он предупреждал ее раньше: «Дорогая, это не доведет до добра. Известные и богатые никогда не бывают счастливыми. За все нужно платить». Так и вышло. Теперь у нее есть слава, которой позавидует самая раскрученная звезда. Забвение ей отнюдь не грозит. Но счастлива ли она?

Он смотрел на усталое лицо Дианы и физически ощущал себя больным. А что, если судья сочтет ее виновной? Что станется тогда с ним? Во что превратится его жизнь без нее?

Ответ был так страшен, что по его телу пробежала долгая судорога. Без Дианы у него не будет жизни. Во всяком случае, она ему будет не нужна…

Елизавета Дубровская, по здравом размышлении, должна была радоваться тому вниманию, которое ей уделяет пресса. Быть адвокатом в таком громком деле, как это, – огромная удача. Тем более если учесть ее молодость и сравнительно небольшой опыт. Конечно, госпожа Данилевская могла нанять для себя крутого профессионала, но, как это часто бывает, свою роль в вопросе приглашения защитника сыграло близкое знакомство писательницы с семьей Елизаветы. Кроме того, адвокату-женщине было куда проще доверить некоторые личные тайны. В общем, это был совсем недурной вариант в глазах многих, но только не самой Дубровской. Спору нет, к двадцати восьми годам она заработала репутацию молодого способного адвоката, но в отличие от многих ее коллег она не успела еще обрасти броней самодовольства и каждое свое новое дело воспринимала как экзамен. А что будет, если она провалит защиту и Данилевскую отправят в тюрьму? «Дело закончилось великолепно. Адвокат на свободе. Жулик в тюрьме», – поговаривали ее коллеги, шутками прикрывая свое поражение в очередном процессе. Дубровская так не могла. Она готова была разделить участь своей подопечной и даже провести на нарах, скажем, год. Но, как известно, за плохую защиту

за решетку не сажают. Адвокаты уходят домой, унося с собой свой позор и свою беспомощность. Так будет и с ней, если суд сочтет, что ее доводы звучат бледнее, чем эффектные обвинения прокурора. Журналисты, которые сейчас охотно берут у нее интервью, поспешно прилепят ей ярлык неудачницы, и, если даже вся ее последующая жизнь окажется чередой блестящих судебных побед, громкое поражение ей запомнят навсегда. «Это та, продувшая дело Данилевской», – скажет кто-нибудь. И остальные понимающе закивают головами: «Помним, помним! Бедная писательница, кажется, хватила сполна, а все только по вине этой растяпы!»

Елизавета вздрогнула от очередной вспышки фотоаппарата. Черт возьми, могли бы предупредить! В последний раз, когда ее снимок опубликовали в газете, она разозлилась не на шутку. «Адвокат Данилевской в растерянности», – гласила надпись, и оспорить ее было трудно. На самом деле лицо Дубровской казалось задумчивым и серьезным, словно она пыталась в уме сложить сроки наказаний, причитающиеся ее подзащитной по каждой из статей Уголовного кодекса. Правда казалась куда прозаичнее. В этот день Елизавета не успела позавтракать, и в тот, не самый подходящий для съемки момент она пребывала в растерянности. Успеет ли она за получасовой перерыв перекусить в ближайшем кафе, или ей опять придется утолять голод бутербродом из киоска? Стоит только представить, что они напишут в этот раз, запечатлев кислое выражение на лице адвокатессы: «Дурные предчувствия», или: «В ожидании катастрофы».

Зря она себя так накручивает. Ведь, если разобраться, финал судебного поединка еще не ясен. Может, она даже выйдет победительницей, как бывало не раз. А может… К чему думать о дурном? Тем более что ближе к окончанию процесса она поняла многое из того, что выходило за пределы официальной версии убийства. Если ее догадки окажутся верны, то сенсация обеспечена. Вот тогда она охотно продемонстрирует камерам свою улыбку! А сейчас… она взглянет в лицо журналисту так, словно он забыл отдать ей денежный долг. «Настоящая мегера!» – подумает он и будет прав.

Прокурор был опытен и красноречив. Конечно, при обычных обстоятельствах он не стал бы тратить время на то, чтобы пересыпать свою речь цитатами из древних мудрецов и ссылками на классиков юриспруденции. Но сегодня зал судебных заседаний был напичкан представителями прессы, как гранат косточками, и государственный обвинитель не хотел произносить шаблонные фразы. Победа, как он считал, была у него уже в кармане. Его речь вездесущие журналисты обязательно растащат на цитаты. Значит, требовалось предпринять еще несколько усилий для того, чтобы громкий финал этого уголовного дела воспринимался всеми как исключительно его заслуга.

– …Многие полагают, что наказание должно быть обязательным возмездием за причиненное зло, – говорил он, проникновенно глядя на симпатичную журналистку в первом ряду. – Но я лично так не считаю. Ведь иногда даже преступление дает нам шанс задуматься – стоит ли карать человека, поправшего закон? Например, вы защищали свою жизнь, но переборщили по части самообороны. Так бывает. Стоит ли калечить вам жизнь, отправляя вас за решетку? Станете ли вы от этого лучше, чище, правильнее?

Журналистка тихонько покачала головой. Прокурор почувствовал себя счастливым.

– Конечно, нет! Так давайте же отбросим лекала и штампы и воздадим каждому по заслугам. Пощадим того, кто оказался в ловушке жизненных обстоятельств, но накажем того, кто взял на себя смелость решать вопросы жизни и смерти другого человека. Известная писательница Диана Данилевская убила подругу по причине ревности и мести за утраченную любовь.

Женская половина зала горестно выдохнула.

– Ах, эта любовь! – патетически воскликнул прокурор, чувствуя в себе пробуждающийся драматический дар. – Есть мнение, что все зло в мире совершается во имя любви… Но, боюсь, я не могу с этим согласиться. Ради этого светлого чувства люди совершают подвиги. В любовных муках они создают прекрасные шедевры музыки, литературы и изобразительного искусства. Наша подсудимая тоже создала… Сценарий смерти! Отдаю ее творение на ваш суд…

…Ольга стояла у обрыва, и свежий весенний ветер трепал ее волосы. Она щурилась то ли от солнечных лучей, пробивавших себе дорогу между острыми пиками скал, то ли оттого, что не могла скрыть презрительную гримасу, исказившую ее красивое лицо почти до неузнаваемости.

– Убирайся прочь, – сказала она, четко выговаривая слова. – Тут нам нечего обсуждать. Ты мне больше не сестра и не подруга.

– Нас разделил мужчина, – эхом ответила я, наблюдая, как внизу, за ее спиной, курится туман. Он пахнул сыростью и землей, навевая на меня могильный холод. – Нас двое, а он один. Если ты проявишь хоть каплю благоразумия, мы распутаем этот клубок.

– Что ты понимаешь под благоразумием? – криво улыбнулась она.

– Ты можешь уйти, забыть его. Сделать вид, что ничего и не было. Я тоже забуду, и мы останемся подругами. Как раньше. Как было всегда.

– Неувязочка, дорогая, – сказала она со злой усмешкой на губах. – Я буду одна, а ты останешься с ним? Лихо придумано, а главное – очень благородно с твоей стороны!

– Но ты же знаешь, я ждала его всю жизнь, – проговорила я, чувствуя, что слова становятся тяжелыми, как этот влажный, промозглый туман, пробирающий меня почти до костей.

– Какая досада! Только позволь напомнить тебе: ты замужем! – Она ткнула в меня пальцем. – Стало быть, ты не особо томилась своим ожиданием. Тебя ждет дома муж. Так возвращайся же к нему!

– Ты не должна со мной так говорить, – заметила я, с ужасом понимая, что мой голос дрожит. – Тебе бы лучше помолчать!

– «Тебе лучше помолчать!» – передразнила она. – Бедняжка считает, что мне нужно осторожнее подбирать слова! А то что случится? Побежишь жаловаться своему мужу? «Эта дрянь опять плохо со мной разговаривала»? Или начнешь плакаться любовнику, давя на его жалость? Только давай будем справедливыми. Я у тебя жениха не уводила!

Ольга повернулась ко мне спиной и села на самый край обрыва, свесив вниз ноги, обутые в мягкие скальные туфли. Она красноречиво дала мне понять, что разговор окончен и продолжения не будет. А я стояла и смотрела на ее прямую, гордую спину, на развевающиеся волосы, из которых шальной ветер уже вытряс все шпильки.

Вдруг камушек, мелкий острый осколок скалы, выкатился откуда-то из-под ее ноги и, не удержавшись на краю, полетел вниз. Он разреза́л воздух, устремляясь в бездну, отскакивал от препятствий и вновь продолжал свое неумолимое падение вниз. Я не видела его. Зато слышала звук, становившийся все тише и глуше. *Все падает вниз*. Но Ольга этой истины, казалось, не хотела знать. Она замерла над бездной, как гордая горная птица, и смотрела куда-то за горизонт, всем своим видом демонстрируя полную отрешенность и безразличие.

Я никогда бы не села так, как она. Может, всему виной чрезмерно развитое воображение? Я никогда бы не смогла расслабиться, зная, что за моей спиной стоит человек. Пусть он будет мне родным отцом, самым лучшим другом или любовником. А вдруг? Зыбкость границ между миром жизни и смерти завораживает, искушает поднять завесу самой главной тайны. Легкий толчок в спину, сиюминутная слабость – и уже ничего не поделать. Мгновения не текут вспять. Я никогда бы не села так, зная, что за спиной стоит человек, которого

раздирают противоречия, который, помещая на свои весы любовь и ненависть ко мне, сам не знает, какая чаша окажется тяжелее.

Но такова была сущность моей бывшей подруги. Ольга всегда была сильнее меня. Она презирала мою слабость, демонстрируя это и сейчас – своей гордой и прямой спиной. Она не оборачивалась, чтобы малодушно проверить, стою ли я на прежнем месте или иду с протянутыми руками к ней. Она была выше этого.

И внезапно меня охватила паника. Мне никогда не совладать с ней! Она одержит победу и на этот раз. Она окажется сильнее. Сердце билось в груди неровными толчками. Мне казалось, что она услышит его звук и обернется. Руки стали горячими. Я уже не ощущала холода, а видела прямо перед собой только ее прямую спину в красной куртке…

Все произошло быстро. Я даже не услышала ее крика. Над обрывом все так же гулял ветер, шевеля траву. Я встряхнула головой, словно пытаясь отогнать кошмар, а потом тихонько подошла к краю обрыва и заглянула вниз. Туман затягивал все внизу ватной пеленой, милосердно прикрывая своими клубами дно ущелья. Огромные валуны выступали из белого молока, как мрачные далекие острова среди безжалостного моря. Они казались такими далекими из-за тумана… На самом деле они были гораздо ближе. Я посмотрела вниз, затем вновь себе под ноги, на тот край, где минуту назад сидела Ольга, и вдруг почувствовала, что вокруг меня все плывет, а сама я горю огнем. По шее сбежала струйка пота, в то время как холодный туман окутывал меня сырой могильной влагой. Перед глазами заплясали черные точки. Я испугалась и отошла от края, словно опасаясь, что бездна засосет и меня в свое голодное чрево.

Я не чувствовала сожаления, только страшную слабость и усталость. Ольга не сможет мне больше помешать. Ольги больше нет. Я убила ее пять минут назад…

– Итак, это финальная сцена романа писательницы Данилевской, сотворенная ею за три месяца до гибели Крапивиной Ольги, – сказал прокурор, громко захлопывая книгу. – Конечно, вы услышите еще доводы защиты, которая будет утверждать, что все это – страшное совпадение и нелепая случайность. Но, уважаемый суд и достопочтимая публика, мы опираемся в своем обвинении не только на эту книжку, но еще и на показания свидетелей и данные экспертиз, которые, как разрозненные фрагменты мозаики, воссоздают целостную картину совершенного преступления. Диана Данилевская виновна, и, полагаю, весь ход судебного следствия показал справедливость предъявленного ей обвинения. А теперь о наказании…

В зале наступила тишина. Было слышно лишь тихое поскрипывание ручек по бумаге и потрескивание диктофонов. Журналисты хотели зафиксировать слова прокурора слово в слово.

– Когда речь идет о подобных трагедиях, сопутствующих любви, обвинение склонно учитывать смягчающие факторы и толковать все сомнения в пользу подсудимых. Но, учитывая все обстоятельства этого дела, а именно – холодный расчет госпожи Данилевской и, в связи с этим, ее особую опасность для общества, я не нахожу оснований просить суд применить к ней минимальный срок наказания, предусмотренный по части первой статьи сто пятой Уголовного кодекса. Полагаю, что четырнадцать лет, проведенные ею в неволе, станут достойным наказанием за совершенное ею преступное деяние – убийство человека…

«Четырнадцать лет… четырнадцать… цать», – зазвучало эхом в голове, и Диана почувствовала, что теряет под ногами опору и несется куда-то вниз, в пропасть, увлекаемая неумолимой снежной лавиной, некогда описанной ею в своем первом романе «Скалолазка».

Она неслась вниз, не ощущая боли, не чувствуя себя в границах своего тела. Диск солнца в кружеве снежных облаков то взлетал куда-то ввысь, то стремительно падал вниз,

и теперь уже она мчалась ему навстречу. Падение длилось секунды или века. Она видела заросший лопухами двор своего детства и деревянный остов сломанной ребятней горки. В ее ушах звучала любимая мелодия матери «Одинокий пастух», а затем – оглушительная трель школьного звонка. Девочка с растрепанными кудрями улыбалась ей с задней парты, а прилизанный, словно сошедший с картинки журнала «Семья и школа» одноклассник шептал ей на ухо: «Это новенькая. Держись от нее подальше». Взлетали вверх школьные тетрадки, уносились вдаль сорванные листочки календаря.

Она снова видела здание педагогического института и бронзовую фигуру Горького, удерживающего в руках шляпу. Мелькали огни дискотек, подсвечивая водоворот знакомых смеющихся лиц. Потом все затягивало мраком, и только знакомый мужской голос цинично спрашивал: «У тебя будет ребенок? А меня ты спросила?» Рыдания теснили дыхание, но их заглушал торжественный марш Мендельсона. Белая фата, кольца. Все как у людей.

Потом она взмывала в поднебесье и видела Эльбрус – двуглавого гиганта, которого один ее добрый знакомый сравнивал с большой женской грудью. Диана жмурила глаза, ослепленная пологими снежными склонами. А чей-то мягкий, но настойчивый голос твердил: «Солнечная слепота лечится примочками из спитого чая». Кто он, этот человек с мужественным обветренным лицом, стоящий теперь на вершине скалы и удерживающий в руках веревку? Кто она, чью жизнь он так бережно сейчас страхует? В красном комбинезоне, гибкая и сильная, она тянется к нему из последних сил. Последний рывок, но у нее из-под ноги вырывается нагруженный камень. Она повисает, балансируя над бездной. Веревка рвется, словно подрезанная ножом. Та, что падает теперь, выписывая смертельные пируэты, та, чья кожа обдирается о камни, очень похожа на Ольгу. «Ты убила меня», – говорит ее последний взгляд. Ну что же, видно, одной из них суждено было погибнуть. Хотя, если разобраться, в этом сейчас нет никакого проку. Ах, если бы сейчас можно было все вернуть назад! Может быть, тогда все сложилось бы по-другому…

Глава 2

Несколько месяцев назад

Елизавета Дубровская трудилась в своей адвокатской конторе, приводя в соответствующий вид исковое заявление в суд. Нельзя сказать, что это занятие вдохновляло ее, скорее всего оно являлось рутинной составляющей адвокатской профессии, которую так и хочется переложить на чужие плечи. Но Елизавета была молода, работала без помощников и всю черновую работу вынуждена была выполнять сама. Разумеется, когда-нибудь, через несколько лет, когда она станет крутым профессионалом судебной защиты, у нее будет собственная юридическая фирма, где под ее началом будут работать начинающие адвокаты. Вот тогда она с удовольствием водрузит на свои плечи работу в суде, переложив на молодежь всю бумажную волокиту.

Елизавета на минуту отвлеклась, соображая, что лучше: быть молодым защитником и смиренно нести все тяготы своей неопытности и юношеского максимализма или же срывать овации в суде, гонять помощников по роскошному офису, но тратить большие гонорары, отыскивая чудесное средство против старения? Решив, что лучше быть молодой и преуспевающей, Дубровская яростно набросилась на треклятое заявление, убеждая себя, что эта работа ей очень нравится. Разумеется, она с большим энтузиазмом взялась бы вести сейчас какое-нибудь интересное уголовное дело, но, как назло, все, что ей предлагали в последнее время, было мелким и несерьезным. Взять, к примеру, супругов А. и Б. в деле о разделе совместно нажитого имущества. Какая скука охватывала ее каждый раз, когда жена начинала скулить по поводу каждой пропавшей у нее прищепки, подозревая, разумеется, бывшего мужа. Тот отвечал ей сторицей, обвиняя супружницу в вероломном хищении у него чудесного молотка. После многих бесплодных попыток найти истину Дубровской очень хотелось, схватив этот самый молоток, громко брякнуть им по столу, призвав мужа и жену к порядку. Лиза была в ужасе, когда поняла, что занималась бы делом охотнее, если бы в один не самый прекрасный день А. убил Б. Ну, или наоборот: Б. прикончила бы А. Непринципиально. Во всяком случае, ей было бы тогда над чем работать и она бы точно знала, что не теряет время попусту.

Конечно, Дубровская никому не говорила о своих кровожадных идеях, но где-то в голове прочно засела мысль, что с ней не все ладно. Может, так и начинается профессиональная деформация личности? Говорят же, что, общаясь с душевнобольными людьми, психиатр начинает проявлять некоторые признаки ненормальности. Может, в таком случае и адвокат по уголовным делам, защищающий убийц и насильников, через год или два плодотворной работы начинает лучше понимать своих клиентов? Что до самой Елизаветы, неистребимую тягу к совершению преступлений она пока что в себе не ощутила, но вовсе не возражала бы, преподнеси ей кто-нибудь интересное дельце прямо на блюдечке и, как водится, с голубой каемочкой.

Павел Максимов вовсе не походил на того самого благодетеля с заветным уголовным делом из ее грез. Он был высоким и худощавым, с умными, глубоко посаженными карими глазами и аккуратной редкой бородкой. Разумеется, он был близорук и носил очки, потому что на его переносице четко виднелся розовый вдавленный след, но почему-то при адвокате он предпочел оставаться без них. Быть может, он ненавидел в себе этот дефект? Кто знает. Но, щурясь, он становился таким беспомощным и безобидным, что даже Елизавета испытывала неловкость.

Наличие высшего образования, а может, даже и ученой степени, пропечатывалось на его лбу так же четко, как и след от очков. «Законченный ботаник», – сказали бы о нем без-

апелляционно многие из представителей молодого поколения. Но Дубровская была более гуманна. «Инженер или педагог», – сделала она для себя вывод при первом знакомстве и, как выяснилось, не ошиблась. Павел работал в компьютерной фирме и весь мир видел только через монитор своего рабочего инструмента. Но он был бесконечно добр и мягок.

– Я по поводу своей жены, – сказал он. – Вы должны ей помочь.

– Разумеется, – ответила Лиза, пытаясь отгадать, о чем пойдет речь дальше. Конечно, их одолел квартирный вопрос или, быть может, на горизонте замаячила перспектива наследства. Вероятен также трудовой спор или какая-нибудь семейная мелочь. Она уже заранее чувствовала, что ее скулы сводит от зевоты.

– Ее зовут Диана Данилевская, – произнес клиент с таким выражением, словно ожидал увидеть изумление на лице адвоката, а потом всплеск рук и громкое: «Не может быть!»

– Красивое имя, – проговорила Лиза будничным тоном.

– Вы, конечно, читали об ее деле в газетах, – сказал он утвердительно. – В последнее время все только о ней и пишут.

Дубровская посмотрела на мужчину внимательнее и наконец сообразила, что это дело обещает выйти за рамки нудного гражданского законодательства. Она начала лихорадочно перебирать по памяти передовицы последних газет, понимая, что от ее находчивости зависит успех всего будущего мероприятия. А что, если ее клиент проявит нетерпение и перебежит за помощью к другому, более осведомленному, адвокату? Вон ее коллега Ромашкин уже вытянул шею, стараясь не пропустить ни слова из чужого разговора.

Итак, кто такая эта Данилевская? Коррумпированная чиновница? Медицинский работник, проявивший халатность и погубивший больного? А может, она сама пострадала в результате преступления?

– Это известная писательница, – произнес сладким голосом коллега. – Она пишет женские романы.

– Верно, – кивнул головой мужчина. – Только, боюсь, Диане не понравилось бы, если бы ее назвали «женской писательницей». Понимаете, в некоторых вопросах она бывает очень щепетильной. Вы же не называете Конан Дойля «мужским автором» и забываете о том, что незабвенная Агата Кристи – женщина, когда наслаждаетесь ее детективными историями? Конечно, Диана не классик, но ей всегда хотелось надеяться, что ее книги читают представители обоих полов.

– Как это правильно, – ответил Ромашкин, всем своим видом демонстрируя понимание и лояльность. – Я в курсе всей этой газетной шумихи и полагаю, у вашей супруги есть неплохие шансы выйти из этого дела победительницей, да еще и взгреть кое-кого за причиненный моральный ущерб. Почему бы нам не обсудить детали?

Это был случай вопиющего нарушения профессиональной этики, когда один адвокат вероломно переманивает к себе чужого клиента. Дубровская даже рот приоткрыла от подобной наглости. Конечно, будь она зрелой и заслуженной профессионалкой, этот хлыщ в модных ботинках вряд ли осмелился бы перейти ей дорогу. Но молодых иногда оттесняют в сторону. Особенно молодых женщин.

– Благодарю. Но я не нуждаюсь в ваших услугах, – неожиданно резко произнес «ботаник». – Я пришел к Елизавете Германовне!

Это было невероятно! У Дубровской едва не закружилась голова от охватившей ее эйфории. На время она даже забыла про гнусный поступок коллеги Ромашкина. Правда, врожденная скромность не позволила ей уверовать в то, что до странного клиента дошла слава об ее громких подвигах на судебном поприще. Все-таки она еще очень молода и вряд ли успела стать легендой в юридическом мире.

Разгадка не заставила себя долго ждать.

– Я участвовал в компьютерном оснащении офиса вашего супруга, – сказал клиент скромно. – Андрей Сергеевич сказал, что вы – адвокат. Как видите, эта информация оказалась полезной.

Дубровская почувствовала слабый укол разочарования. Все-таки было бы лучше, если бы клиент пришел к ней, услышав об ее репутации.

– Видите ли, – продолжал Максимов. – Мы нуждаемся в хорошем специалисте и порядочном человеке. Зная вашего супруга, я верю, что вы этими качествами обладаете в полной мере. Кроме того, вы – женщина…

Он замялся, подбирая выражения, и даже хрустнул костяшками пальцев. Откровенность давалась ему не так легко.

– Это дело… так сказать, несколько личного свойства. Вы наверняка это потом поймете. И мне бы не хотелось, чтобы в нашем семейном белье копался кто-нибудь посторонний. – Он с неприязнью взглянул в сторону Ромашкина, который старательно изображал, что он читает деловые бумаги. На самом деле его шустрые глазки бегали вдоль и поперек строчек, а уши были выдвинуты в стороны, как локаторы.

– Хорошо. Ваши доводы мне понятны, – сказала Елизавета. – Но скажите, в конце концов, в чем обвиняется ваша писательница детективов? Надеюсь, не в плагиате?

– А я и не сказал? – удивился мужчина. – Плагиат тут ни при чем. *Диана совершила убийство*...

– Что я говорю! – опомнился он, и его лицо исказила гримаса отчаяния. – Я повторяю чужие слова. Так пишут в газетах. Но она никого не убивала! Поверьте, я знаю Диану!

Дубровская Диану не знала и даже предположить не могла, как автор женских романов смогла так вляпаться и попасть под столь серьезное обвинение. Ей также было известно, что родственники обвиняемых редко отдают себе отчет в реальности совершенного преступления и порочности близкого человека. Они бьют себя в грудь и клянутся, что произошло недоразумение, какая-то следственная ошибка и их милый, дорогой, любимый, единственный здесь совсем ни при чем; что порочные следователи только и грезят о том, чтобы упечь за решетку невиновного человека и тем самым поправить статистику раскрываемости. Подобное, конечно, случается, но далеко не так часто, как пытаются себе представить обыватели, напуганные милицейским произволом. Поэтому она не стала брать на себя неблагодарное занятие и разуверять человека, обратившегося к ней за помощью, а просто и без эмоций спросила:

– Так кого она убила? Ох, простите… Вернее сказать, что за убийство вменяют ей в вину?

– Убийство Крапивиной Ольги, – произнес Максимов, глядя на нее исподлобья. – Вся нелепость этого утверждения вам будет понятна сразу же, если сказать, что они были лучшими подругами.

– Да, действительно, – нерешительно поддакнула Елизавета, решив умолчать о том, что в истории криминала подобные происшествия все же не редкость. – Ну а мотив? Должно же было следствие установить, чем руководствовалась ваша жена, совершая преступление?

– Диана не совершала убийство, – упрямо повторил Максимов.

– Ну да, конечно, – поспешно поправилась Елизавета. – Но мне важно знать позицию следствия.

– Диана, к несчастью, оказалась на месте происшествия. Это произошло в горном лагере. Она обнаружила труп подруги и подняла тревогу. Это же естественно, верно?

– Разумеется, – подтвердила Лиза. – Диану задержали сразу же?

– Нет, – покачал головой Максимов. – Несчастье произошло осенью, в сентябре. Диану задержали два дня назад.

– Как странно, – искренне удивилась Дубровская. – Значит, с самого начала она даже не была подозреваемой? Получается, у них не было доказательств ее виновности.

– Их нет и сейчас, – убежденно заявил Максимов. – Диана никого не убивала! То, что произошло с Крапивиной, – всего лишь несчастный случай. Такое случается сплошь и рядом в горах. Ольга была альпинисткой. Я думаю, этим все сказано.

– Мне нужно поговорить с вашей женой, – решительно заявила Дубровская, поднимаясь. – Где я могу встретиться с ней?

– Полагаю, что сейчас она в изоляторе временного содержания. – Лицо Максимова вновь омрачилось. – Вы должны вызволить ее оттуда! Это такое ужасное место! Диана не может там находиться.

– Это будет нашей первой задачей, – согласилась Елизавета, прекрасно сознавая, что обязательство, которое она на себя берет, может оказаться невыполнимым. Убийц редко выпускают на свободу до суда. Такова практика. Но как сказать об этом человеку, который смотрит на тебя как на свое последнее спасение?

Изолятор временного содержания прятался на задворках «милицейского городка», в подвале одного из корпусов уважаемого заведения. Находясь в просторных рабочих кабинетах с европейскими стеклопакетами, трудно было представить, что несколькими этажами ниже, в тесных, душных казематах, обитают не только крысы и тараканы, но еще и живые люди. Часть из них, в форменной одежде, давно смирилась с непривлекательным местом работы, где в окрашенные в поносный цвет стены уже впиталась невыносимая вонь. Узники тем более не имели права выбора и находились здесь по принуждению, надеясь, что в скором времени крохотное оконце в клеточку заменит точно такое же, но уже в следственном изоляторе. В лучшем случае, если повезет и вместо содержания под стражей милосердный суд определит залог, некоторые счастливчики увидят настоящее небо – без клеточек и тюремных «ресничек».

На это адвокат Дубровская рассчитывала в наименьшей степени, затворяя за собой тяжелую дверь казенного учреждения. Она показала удостоверение дежурному и вежливо кивнула головой молодому энергичному человеку в модном костюме «со строчкой». В этих стенах он выглядел как пижон, и Дубровская сразу преисполнилась неприязни к нему, полагая, что с подобным «щеголем» следствие будет вести непросто.

– Следователь Красавин, – представился он, церемонно наклоняя голову. – Вы наверняка желаете увидеть вашу подзащитную?

– Не откажусь, – сказала Лиза. – Хотя я собиралась с ней переговорить для того, чтобы обсудить позицию защиты. Внешние данные моей клиентки меня абсолютно не интересуют.

– А вы забавная, – хмыкнул Красавин. – Ну, все-таки взгляните.

Он жестом подозвал ее к первой по коридору двери. Они зашли внутрь следственного бокса. Там было пусто. Елизавета открыла было рот, чтобы спросить у весельчака-следователя, что он задумал, как вдруг, через прозрачное стекло в стене, увидела соседнюю комнату, где за дощатым, привинченным к полу столом сидела молодая женщина. Она смотрела на них, но как-то странно, немного отрешенно и словно видя их *насквозь*.

Елизавета кивнула головой и доброжелательно улыбнулась. Женщина не обратила на нее никакого внимания.

– Я ваш адвокат, – сказала Лиза, для достоверности прикладывая руку к своей груди. Вдруг бедняжка лучше воспринимает жесты?

Обвиняемая даже не шелохнулась.

Дубровская демонстративно громко хлопнула перед собой папкой с бумагами. Эффект тот же. Ноль внимания.

Однако следователь Красавин как-то подозрительно заерзал на своем месте. Казалось, он пытается сдержать смех.

– Она что, глухонемая? – спросила Елизавета, удивляясь, что заботливый супруг Максимов забыл сообщить ей эту немаловажную деталь. Если так, то ей придется нелегко! Без переводчика им не обойтись.

– В каком-то смысле вы правы, – ответил Красавин, подавляя неуемное веселье. – Она не слышит и не видит нас.

– Глухонемые и слепые не бывают *в каком-то смысле*! – невежливо перебила его Дубровская. – Они всегда в одном смысле. Так, я не поняла: что случилось с моей клиенткой?

– Ну, ладно, простите мне этот маленький спектакль, – утер слезу следователь, продолжая сотрясаться от смеха. – Просто установили новую аппаратуру. Хотелось понаблюдать эффект.

– Какую аппаратуру? – поперхнулась Елизавета, чувствуя себя подопытным кроликом.

– Для проведения опознания, – пояснил Красавин. – Ну, вы же сами про такую штуку знаете! С одной стороны – зеркало. С другой стороны – стекло. Так вот, госпожа Данилевская любуется сейчас своим отражением, не подозревая, что в этот момент на нее смотрят люди из Зазеркалья.

– Очень смешно! – возмутилась Дубровская. – Эксперименты решили ставить на живых людях, да? Вам не совестно?

На самом деле ей было неловко за собственную глупость. Конечно, она слышала про подобные «хитрые зеркала» и даже видела примеры в кинофильмах, но, когда ей пришлось столкнуться с таким на практике, проявила непростительную дремучесть. Удивительно, но цивилизация все-таки пришла в этот подвал, в котором было так сыро и уныло, как некогда в казематах инквизиции. Раньше, как ей было известно из собственного опыта, некоторые особо изобретательные следователи проводили опознание через шторку в окошке двери. Таким образом предпринимались меры по защите свидетеля или потерпевшего, наотрез отказывающегося встречаться с преступником лично. Это было примитивно, но действенно.

– Ну да ладно, – примирительно произнес следователь. – Я вовсе не желал вас обидеть. Вам наверняка самой хотелось узнать, что за птица эта ваша новая подзащитная. Так вот я вам предоставил замечательную возможность понаблюдать за ней со стороны.

– И что можно сказать о человеке, наблюдая за ним, как вы говорите, со стороны? – спросила Дубровская, все еще злясь из-за того, что веселый следователь выставил ее в глупом свете.

– Многое, – заявил тот. – Вы знаете о такой науке – физиогномике? Это умение определять характер человека по внешности.

– Это лженаука, – решительно заявила Елизавета. – Внешность человека бывает обманчива.

– Ну, не скажите, – не согласился Красавин. – Для опытного наблюдателя заметить скрытые пороки человека не так сложно, как это кажется на первый взгляд. Но что мы спорим? Давайте просто поглядим на госпожу Данилевскую и сделаем выводы. Каждый – свои. А потом сопоставим результаты? Идет?

– Подсматривать за человеком, не подозревающим, что за ним следят, – это как-то нехорошо, – неуверенно сказала Лиза, тщетно пытаясь вспомнить, содержит ли Кодекс профессиональной этики адвоката прямой запрет на этот счет.

– А я пишу работу по психологии убийства, и мне, как исследователю, важны такие наблюдения, – вдруг признался Красавин.

Дубровская посмотрела на следователя с интересом. Надо же, поначалу она восприняла его, как пижона, щеголяющего модной строчкой там, где принято одеваться скромнее.

Но, видимо, этот Красавин не столь примитивен, как ей показалось на первый взгляд. Получается, это она не умеет разбираться в людях?

– Ну что же, давайте попробуем, – неожиданно для самой себя согласилась Елизавета, вспомнив про свою начатую диссертацию, заброшенную теперь куда-то на антресоли. В конце концов, ее тоже можно назвать исследователем!

Дубровская испытала легкое разочарование, оттого что ее ожидания не оправдались. В воображении молодого адвоката успешная писательница должна была выглядеть как-то иначе. Разумеется, Лиза знала, что Данилевская еще молода. Стало быть, мудрый проницательный взгляд и особая одухотворенность на ее лице могут проявиться позднее. Но Диана выглядела так прозаично – в этой своей джинсовой куртке, огромной, словно с чужого плеча, тонком шерстяном свитере и несвежих спортивных брюках. Волосы ее были заправлены под резинку, что делало ее почти неотличимой от других женщин, грубых и озлобленных, содержащихся под стражей за убийства, разбои, грабежи. Взгляд Данилевской казался слегка затуманенным, потухшим и полным абсолютной безнадежности.

Это была усталая, измученная женщина, выглядевшая много старше своих законных тридцати лет, и если бы Дубровской пришлось ответить на вопрос: похожа ли обвиняемая Данилевская на человека, способного совершить особо тяжкое преступление, ей вряд ли бы пришел в голову однозначный ответ.

– Ну что, – спросил Красавин. – Полагаю, мы можем закончить наши физиогномические наблюдения? Итак, что скажете вы?

– Вы – автор идеи, вам и начинать, – уклончиво ответила Лиза, донельзя огорченная своей неспособностью к анализу.

– Как хотите, – улыбнулся он. – Итак, госпожа Данилевская – молодая и привлекательная женщина. Не удивлюсь, если у нее есть поклонники, причем не из числа почитателей ее книг. Бедняга муж, должно быть, порядком извел себя ревностью при такой-то жене.

– Стоп! – воскликнула Лиза. – С чего вы это взяли? Я видела Максимова и даже говорила с ним. Поверьте, он сломлен нынешним положением Дианы и думает только о том, как вызволить ее на свободу. Меньше всего он производил впечатление человека, снедаемого ревностью. Кроме того, посмотрите на Данилевскую! Мне кажется, она выглядит… м-м-м… не слишком привлекательно.

– Это поверхностный взгляд, – отмахнулся Красавин. – Вы замечаете только то, что очевидно сейчас. Грязные, спутанные волосы. Лицо, осунувшееся от переживаний и недосыпа, да еще и без единого грамма косметики. Припухшие глаза. Неопрятную одежду, лоснящуюся от сидения на тюремных нарах. Смотрите дальше… Мысленно умойте свою подзащитную, распустите по плечам ее шикарные каштановые волосы, нанесите немного помады на губы и туши на ресницы. Накиньте на ее плечи шелковый халат с изящным пояском. Ну, каково?

Дубровская с опаской посмотрела на фетишиста в обличье прокурорского следователя. Она могла голову отдать на отсечение, что ее собственный муж, взглянув на Данилевскую, не задержал бы взгляда даже на тридцать секунд, а уж мысленно распускать ее грязные волосы по опущенным плечам… Бр-р, бред какой-то!

Красавин улыбнулся Елизавете, словно угадав ее мысли.

– Вы забываете о том, что делает с людьми неволя. Тем более с женщинами. Ну-ка, представьте на минуту, каково это – спать не на ортопедическом матрасе у себя дома, а на деревянной доске в казенном учреждении и не знать при этом, что лучше: снять с себя куртку и подложить ее под себя или же все-таки укрыться ею для того, чтобы немного согреться? После одной такой ночи, да еще в обществе не самых приятных товарок, личико даже самой

писаной красавицы приобретет землистый цвет, а красивые глазки превратятся в поросячьи щелочки.

– Ну да бог с ней, с ее внешностью, – сказала уязвленная Дубровская. Ей было досадно, что следователь увидел в ее подзащитной гораздо больше привлекательных черт, чем удалось ей самой. – Скажите лучше, видите ли вы в облике Данилевской какие-то скрытые пороки? Способна ли она совершить убийство?

– Сложный вопрос, – отозвался Красавин. – С одной стороны, в ее внешности нет ничего из того, что перечислял старина Ламброзо, описывая облик настоящего преступника. У нее симметричное лицо, правильный овал и довольно изящные черты. С другой стороны, вы обратили внимание на ее поведение?

Поведение?! Лиза подумала, что она ослышалась. О каком поведении могла идти речь, если за все время, пока они делились друг с другом своими наблюдениями, Данилевская сидела, как пришпиленная к месту, вперив мутный взгляд в зеркало?

– Диана не знает, что мы за ней наблюдаем, но, даже оставаясь в одиночестве, она не может расслабиться, – продолжил следователь. – Она напряжена, как натянутая струна. Вы видите, она кусает губы? Смотрите, она сжимает пальцы так, что белеют костяшки.

Дубровская и правда обратила внимание на то, что руки писательницы, лежащие на столе и сомкнутые в замок, находятся тем не менее в постоянном, непрерывном движении. Пальцы сжимались и разжимались, и даже через стекло было видно, как белеют суставы. Однако, как это Красавин все замечает?

А он тем временем продолжал:

– Знаете, что делают люди экспрессивные в подобных ситуациях? Они мечутся по следственному боксу, как звери, попавшие в силки. И хотя им строго-настрого велено находиться на месте, удержаться в рамках дозволенного им сложно. Они подходят то к двери, то к окну, стараясь выглянуть наружу. Они пинают привинченный к полу табурет, заглядывают в пепельницу и в глазок, тянут руку к тревожной кнопке. Наша же подопытная ведет себя так смирно, что на первый взгляд кажется этакой тихоней. Но это на самом деле не так. Данилевская – сложная, противоречивая натура, довольно страстная, но с хорошо развитым самоконтролем. Она не позволяет эмоциям вырваться наружу, хотя они ее душат. Вспомните о ее беспокойных пальцах и искусанных губах. А этот ее остановившийся взгляд и неподвижная поза – только защитная броня, которой она укрывается от посторонних и даже от самой себя.

– Но как насчет убийства? – хитро спросила Дубровская. – Я так и не поняла, способна ли моя подзащитная на такой фортель? Или же это все удел экспрессивных, как вы выражаетесь, лиц?

– Такие люди, как она, если и совершают преступления, то делают это хитро, обдуманно, не просто так, не с бухты-барахты. По этой причине изобличить их оказывается намного труднее. Они ведут тонкую игру благодаря своему хорошо развитому интеллекту и врожденной осторожности. Но и они, бывает, делают проколы.

Дубровская вздохнула. Беседа со следователем-интеллектуалом давала ей и бедной Данилевской мало шансов на успех. Но все же она рискнула.

– Надеюсь, вы дадите возможность мне убедиться в правоте ваших слов? – спросила она.

– Каким же образом? – отозвался Красавин.

– Отпустите Диану домой, помыться и расплести запутанные волосы, – нашлась она. – Глядишь, и я увижу в ней этакий сверкающий бриллиант, красоту которого вы мне воспели.

– Я и собираюсь это сделать, – огорошил ее Красавин.

– В смысле?! – открыла рот Елизавета, не веря своим ушам. Вне всяких сомнений, этот весельчак-следователь опять разыгрывал ее.

– Ну, вы же имеет в виду подписку о невыезде? – как ни в чем не бывало спросил Красавин.

Сказать по правде, Дубровская шла ва-банк, не рассчитывая на подобную милость со стороны обвинения. Это было неслыханно!

– Так ведь она обвиняется в убийстве, – выдохнула Елизавета, продолжая изучать лицо странного следователя и пытаясь отыскать в нем скрытую усмешку.

– Вот именно, в убийстве, – подтвердил он. – А вы будете умолять меня о том, чтобы я ходатайствовал перед судом о заключении ее под стражу до суда? Ну, если об этом просит адвокат, тогда, конечно…

Брови его издевательски поднялись.

– Нет-нет, – спохватилась Лиза. – Это очень… – она не могла подобрать подходящее слово, – очень мило с вашей стороны! И что, вы даже не попросите залог?

– Если только вы будете на нем настаивать, – хмыкнул несносный исследователь чужих лиц. – Я вижу, вы удивлены?

– Это мягко сказано, – подтвердила Дубровская.

– Ну что же, объясню свою точку зрения, – сказал он. – Я не думаю, что госпожа Данилевская, находясь на свободе, куда-нибудь сбежит или начнет делать глупости: препятствовать следствию, фабрикуя улики и подговаривая свидетелей. Как я уже заметил, она – дама разумная и ненавидящая экспромты. Думаю, я буду спать спокойно, если она останется на свободе. А там уж – как решит суд.

– Вы считаете, что она невиновна? – спросила Елизавета, уже предчувствуя ответ.

– Напротив, *я считаю, что она виновна*, – удивил ее следователь. – Ну что, все ясно?

Елизавета кивнула. На самом деле она не поняла. Ничего не поняла…

Стоял замечательный мартовский день, когда с крыш уже капало, навевая приятные мысли о грядущем тепле. Дубровская сидела со своей подзащитной в машине, слушая, как частые капли неумолчно стучат по капоту. Динь-динь… Угораздило же ее поставить автомобиль аккурат под крышей милицейского здания, периметр которого украшал частокол из сосулек! Оставалось надеяться, что она сумеет убраться отсюда раньше, чем одна из них рухнет вниз, разлетаясь на куски и безнадежно коверкая поверхность нежно любимого железного коня.

Данилевская не обращала внимания ни на весенний день, ни на капель. Елизавета подозревала, что даже сам факт освобождения по столь серьезному обвинению ничуть не порадовал женщину, словно все то, что с ней происходило, было сущей безделицей…

Все, что она слышала в следственном боксе, было для нее неважно. Красавин, церемонно представив ей нового адвоката, произнес нечто эдакое, в своем духе:

– Глядите, какой чудесный защитник к вам явился! Только госпожа Дубровская шагнула на порог, и я тут же решил отпустить вас домой, от греха подальше.

Дубровская покраснела, понимая, что следователь опять валяет дурака, описывая заслуги адвоката, которых вовсе не было. Сказать по правде, это была идея Красавина: взять у Дианы подписку о невыезде, в то время как сама Елизавета едва ли не отговаривала его от столь опрометчивого шага. Но Данилевская спросила не о том, чего от нее ожидали в этом случае:

– Значит, все обвинения сняты? Я свободна?

Следователь и адвокат переглянулись.

– Не совсем, – призналась Дубровская. – Просто вас отпускают на свободу до суда. Вы можете находиться дома, жить привычной жизнью, ну, конечно, с некоторыми условиями…

– Вы будете являться по первому вызову ко мне на допросы. Не станете покидать место вашего жительства. А в остальном ваш образ жизни останется прежним, – добавил Красавин.

– Вы сможете писать книги, – влезла Елизавета.

– Принимать гостей и ходить в кино, – старался он.

Создавалось впечатление, что они оба, следователь и адвокат, лезут из кожи вон, описывая прелести жизни на свободе, в то время как сама подследственная что есть сил цепляется за тюремные нары.

– Спасибо, – произнесла Данилевская безразлично.

Однако народ пошел! Никакой благодарности!

– Это очень, очень хорошо в вашем положении, – сказала Лиза. – Вы просто не представляете, как вам повезло.

– Благодарите адвоката! – сказал насмешливо Красавин.

– Нет уж, благодарите следователя! – свирепо сверкнув глазами, заметила Дубровская.

Данилевская наблюдала за этим обменом любезностями без всякого интереса, словно это ее никак не касалось. Триумф был испорчен. Следователь и адвокат ощущали себя обманутыми детьми, которым за выступление взрослые пообещали конфет, а удостоили лишь сухой похвалы.

Формальности были улажены за сорок минут, и уже через час адвокат и ее подзащитная, прошлепав по весенним лужам, подошли к автомобильной парковке. Диана была все так же молчалива, всем своим видом подтверждая присказку из старого детского фильма: «Что воля, что неволя – все равно!» Дубровская повернула ключ в замке зажигания и спросила, еле скрывая свое раздражение:

– Отвезти вас домой?

Если разобраться, вопрос был глупым. Куда еще, спрашивается, можно поехать прямо из изолятора? Конечно, домой. Мыться, приводить себя в порядок, звонить родственникам. Кроме того, Диану ждал муж, и, вопреки предсказаниям следователя, Дубровская верила в их счастливый семейный союз.

Но Данилевская, словно только что выплыв из своих грез, неожиданно попросила:

– Покатайте меня по городу!

Елизавета сделала вид, что ничуть не удивлена, словно к ней каждый день обращаются ее подзащитные с просьбой покататься. Выехав с парковки, она миновала узкий переулок и влилась в плотный транспортный поток на проспекте.

Признаться честно, вождение автомобиля в марте месяце, да еще и в час пик, не самое приятное занятие. Мутное ветровое стекло, по которому бесконечно елозят «дворники», размазывая грязь, летящую из-под колес других автомобилей; дорожная техника, убирающая неопрятный снег с обочин; нетерпеливые гудки нервных водителей – всего этого уже вполне достаточно для того, чтобы полюбить пешие прогулки.

Дубровская вела автомобиль, останавливаясь на светофорах, притормаживая перед пешеходными переходами, штурмуя весенние лужи и не понимая, зачем все это необходимо. Странная пассажирка сидела рядом, устремив взгляд вперед, как некогда перед зеркалом в следственном боксе. Елизавета могла поклясться, что ей нет дела до весеннего помешательства, и даже если бы вдруг на обочинах вместо привычных тополей и кленов, теперь голых и корявых, зазеленели пальмы, она вряд ли бы обратила на них внимание. Данилевская находилась в странном, заторможенном состоянии, словно только что пережила сильнейший стресс и все еще не сумела от него отойти.

Хотя, конечно, пребывание на нарах кого угодно выбьет из колеи. И, упрекнув себя за собственную черствость, Дубровская спросила:

– Скверно там было, правда?

Диана уставилась на нее непонимающе.

– Ну, в изоляторе, – объяснила Лиза. – Хорошо, что все уже позади.

– Да, – ответила пассажирка. – Остановите, пожалуйста, возле Педагогического института.

– Теперь он называется университетом, – поправила Лиза, сама не зная зачем. Вообще-то ей не было до этого никакого дела, даже если бы будущих учителей выращивали в Академии наук.

Она еле нашла место, оставив заднюю часть машины на проезжей части, а Диана, словно не замечая всех ее мучений, легко выскочила на дорогу и, едва не черпая воду белыми кроссовками, поспешила к памятнику Горькому. Остановившись рядом с обшарпанным постаментом, она подняла голову вверх и уставилась в лицо классика. Со стороны ее неподвижная фигура в одежде явно не по погоде среди озабоченных, спешивших по своим делам горожан выглядела нелепо, как застывший кадр среди всеобщей суеты.

«Все писатели чокнутые», – сделала вывод Дубровская, спрашивая себя, каково ей будет вести защиту с такой непредсказуемой клиенткой. Сзади уже сигналил какой-то водитель, поминая недобрым словом всех женщин за рулем, кидающих машины там, где им приспичит вдруг поправить макияж. Лиза чертыхнулась, не представляя, как скоро Данилевская закончит общение со своим духовным учителем.

Словно услышав ее мысли, женщина оторвалась, наконец, от памятника и тем же путем, через лужи, возвратилась к машине.

– Ну как? – спросила Лиза. – Горький стоит?

– Стоит, – ответила Диана. – Столько лет прошло, а он так и не надел свою шляпу.

«Точно, ненормальная», – подумала про себя Дубровская. У нее едва не вырвалась хрестоматийная фраза, переделанная, правда, на новый лад: «Как же он ее наденет? Он же памятник!»

– Я училась здесь, – пояснила Диана. – Тысячу лет назад.

– Да? А я думала, все писатели учатся в Литературном, – вырвалось у Дубровской.

– Ну, я не настоящая писательница, – усмехнулась пассажирка. – На самом деле я – учительница английского языка.

– А-а! – протянула Лиза. – А как же вы начали писать?

Диана как-то странно дернулась, хотя, на взгляд Дубровской, вопрос был совершенно безобидным.

– Это долгая история. Быть может, я вам расскажу ее. Только позже. А теперь давайте домой.

Домой так домой… Честно говоря, общение с новой клиенткой уже изрядно утомило Елизавету. Она бы не устала, если бы Данилевская предложила ей обсудить линию защиты, забросала ее вопросами о перспективах дела или хотя бы пожаловалась на несправедливость судьбы. Словом, вела бы себя так, как ведут себя все остальные, попавшие под колпак правоохранительных органов люди. Но все эти странные просьбы: «покатайте», «остановите», «помолчите»; это мрачное, погруженное в себя состояние навевали на Дубровскую черную меланхолию, пили из нее все соки, и теперь, после полуторачасовой бесцельной езды по городу, она чувствовала себя выжатой, как лимон. Она с огромным облегчением сдала бы ее сейчас на руки любящему супругу, перепоручив ему все заботы о душевном состоянии его ненормальной жены.

Дом писательницы оказался весьма уютным и милым, но не таким большим, роскошным и красивым, каким его представляла себе Елизавета. Одноэтажный, с мансардой и палисадником, огороженный белым штакетником, он, должно быть, становился особенно привлекательным поздней весной или же летом, когда раскидистые вишни покрывались

сначала белым свадебным цветом, а потом пурпурной ягодой, когда в цветочных горшках, теперь голых и неряшливых, пестрели нежные головки цветов, а окошки дома открывались настежь, выставляя наружу нарядные занавески.

Едва машина успела затормозить, как дверь дома распахнулась, словно их давно здесь дожидались, и на порог выскочил мужчина в домашних тапочках. Присмотревшись, Дубровская поняла, что это и есть ее недавний гость, инженер Максимов.

– Ну, наконец-то! – сказал он, протягивая жене руки. – Я себе места не нахожу. Следователь сказал, что тебя освободили два часа назад, а тебя все нет. Ты могла бы позвонить!

– Знаю, знаю! – вяло отмахнулась от него Диана, направляясь в дом, словно других людей вокруг нее и не было.

– Елизавета Германовна! – всплеснул руками Максимов. – Пожалуйте в дом. Как я вам признателен! Ну, куда же ты, Дина?

Данилевская пренебрегла правилами приличия, не задав своему адвокату хрестоматийный вопрос насчет чая. Ее муж был полон решимости исправить этот досадный просчет и провести в беседах с защитником положенные правилами приличия тридцать минут.

– Я, пожалуй, поеду, – кивнула головой Лиза. – Ваша жена устала, да и я тоже. Кроме того, вам есть о чем поговорить. Я навещу вас через день, когда Диана немного придет в себя и мы сможем побеседовать.

Максимов благодарно улыбнулся ей. Было видно, что ему не терпится броситься следом за женой и только вежливость удерживает его возле Дубровской. Решив, наконец, что адвокат не настаивает на выполнении формальностей, он коротко кивнул головой, прощаясь, и в мгновение ока исчез за дубовой дверью.

Направляясь к своей машине, Лиза перебирала в памяти физиогномические наблюдения Красавина, приходя к выводу, что скорее всего следователь был не так уж далек от истины. В союзе Максимов – Данилевская влюбленным был муж, жена же только позволяла себя любить.

Глава 3

Диана с удовольствием погрузилась в душистую пену, чувствуя, что изматывающие волнения последних дней оставляют ее, растворяясь в горячей воде, как мыльные пузыри. Удивительно, но лишения, которые она претерпела, пожалуй, в первый раз в своей жизни, заставили ее заново оценить все то, что еще вчера казалось ей обыденным и незначительным: та же вода и душистое мыло, хрустящее постельное белье и рубашка, отделанная по подолу ручным кружевом. Стала бы она иначе так наслаждаться всем этим, обращая внимание на то, как удобна ее постель и как мило выглядит этот рыжий абажур, купленный ею на какой-то дешевой распродаже; как здорово читать перед сном любимую книжку и какие красивые узоры чертят первые лучи утреннего солнца на стене ее спальни! Но, побывав *там*, опустившись едва ли не на дно жизни, вдохнув смрад отхожего места, она была шокирована, напугана до предела, хотя ей не довелось испытать и десятой доли того, с чем обычно сталкиваешься в неволе. Ее не били и даже не оскорбляли. Другие заключенные-женщины, хотя и вызывали в ней ужас, дурно пахли и курили какую-то дрянь, на ее честь не покушались. В общем, все прошло относительно гладко. Ее даже выпустили под подписку. Но мысль о том, что ничего еще не кончилось, что все еще впереди, была невыносима. Интересно, смогла бы она прожить в таких условиях хотя бы год? Хотя о чем она думает? За убийство не дают год, не дают и два. Надо было спросить у адвоката. Сколько ей причитается? Десять? Пятнадцать? Впрочем, какая разница! Вряд ли она протянет там даже один месяц.

Диана почти заснула, когда ее разбудил громкий стук в дверь.

– Ну же, дорогая! У тебя все в порядке? Ты там уже почти вечность.

Она очнулась. Вода в ванне стала прохладной, а тело покрылось гусиной кожей. Было отвратительно холодно, и это подействовало на нее отрезвляюще. Она быстро встала, завернулась в халат и вышла в комнату.

Павел казался обиженным. Конечно, у него были все основания для недовольства. Стол в кухне был давно накрыт. В центре стояла бутылка вина и два фужера. Он не забыл даже про свечи, а льняные салфетки заправил в кольца так, как она любила. Отбивная и салат из овощей, тарелка с фруктами и десерт – все это дожидалось ее как минимум час.

Вопреки ее собственным ожиданиям, она не чувствовала голода, но отказаться от застолья означало еще сильнее обидеть Павла. А он этого не заслужил. Она положила себе на тарелку немного салата. Муж ловко откупорил вино.

– За тебя, – предложил он первый тост. – Ты не представляешь, как я рад, что ты наконец дома!

– Я тоже рада, – сказала она, пытаясь придать голосу хоть малую толику оптимизма.

Они чокнулись. Вино оказалось превосходным.

Наверняка оттого, что за два дня у нее во рту не было и маковой росинки, хмель тотчас же облек ее своей истомой, и она почувствовала необыкновенное тепло, а еще – усталость. Павел же, наоборот, был деятелен и трезв. У него было много вопросов, и он хотел знать все и сразу. Как ей понравился адвокат? Что говорил следователь? Как часто ее будут вызывать на допросы? Получится ли у них уехать в санаторий, чтобы немного подлечить ее нервы?

– Адвокат хороший, – отвечала она, слыша собственные слова словно через вату. – Следователь ничего не говорил определенного. Когда являться на допросы, мне сообщат повесткой. Ну а о санатории не может быть и речи. С нервами все в порядке, и вообще, я собираюсь написать еще одну книгу.

– Какая книга?! – возмутился он. – Ты же гробишь себя! Ну кому, кому нужна сейчас твоя слава, твоя книга, твоя чертова альпинистка?

Она приложила пальцы к вискам.

– Скалолазка, – поправила она, словно это имело для их спора решающее значение. – С горами покончено. Навсегда. Ты же знаешь финал моей последней книги. Я убила героиню. Убила. Понимаешь? Она больше не воскреснет. Да и Ольги больше нет. Я хочу теперь написать о жизни, о любви и дружбе.

– Все равно я не уверен, что это хорошая идея, – не сдавался он.

– Это нужно мне. Иначе я с ума сойду от всех этих допросов, очных ставок и экспертиз, – произнесла она. – Точку я поставлю перед тем, как мне вынесут приговор. После этого я не напишу ни слова. Обещаю.

– Ну, как знаешь, – с сомнением в голосе произнес он. – Хотя, если ты обещаешь…

– Я обещаю, – сказала она твердо. – Ты же знаешь, мне можно верить. Я когда-нибудь говорила тебе неправду?

Он не хотел ворошить прошлое.

– Полагаю, Ольги больше не будет среди героев твоей книги, – сказал он с надеждой в голосе.

– Этого я не обещала, – сказала она. – Ты же знаешь, мы дружили с детства…

Прошло много лет, но Диана помнила двор своего детства так, словно жила в нем до сих пор. Безошибочная детская память запечатлела, словно на слайдах, каждый поворот дороги к дому; тропинку, петляющую среди кустов; каждую ступеньку их подъезда, ведущую на пятый этаж, туда, где когда-то располагалась родительская квартира. Диана не была там больше пятнадцати лет, но уверенность, что все там осталось по-прежнему, не покидала ее, пока однажды, совсем недавно, она не оказалась в этом дворе и не застыла, пораженная, не веря своим глазам. Нет, пятиэтажки на окраине так и не снесли, а черемуху, которую каждую весну обдирала местная детвора, так и не вырубили. Остались на местах и щербатый стол, на котором старики, как и прежде, стучали костяшками домино; и песочница, правда, с новой, народившейся за последние пять лет ребятней; и скамейки у подъезда, на одной из которых через свежую краску проступало памятное: «Ольга + Диана = навсегда». Но у Данилевской не было сомнений, что какой-то злой волшебник мановением своей палочки взял и уменьшил все вокруг раза в два. Горка, с которой они с замиранием сердца мчались зимой, стала обыкновенным пригорком. Дерево, на которое они забирались, прячась от дворовых мальчишек, оказалось до смешного низкорослым. Даже пятиэтажки сжались, превратившись в маленькие коробки, совсем крошечные, особенно на фоне строящихся неподалеку восемнадцатиэтажных монстров.

Ступени в их подъезде как будто истерлись, стали более пологими, а почтовые ящики сменили на новые. Дверь их квартиры новые жильцы обили искусственной кожей. А вот дверь Ольги так и осталась такой, как и прежде, деревянной, с тем же номером «33» наверху.

Если разобраться, Диане с семьей повезло. Интеллигентные родители читали ей вслух классику и водили в детский театр, заботясь о том, чтобы дочь не росла подобно сорной траве во дворе и могла, в случае необходимости, блеснуть полученными знаниями. Впрочем, это было несложно. Вся остальная ребятня, гоняясь друг за другом по двору, не слишком утруждала себя учебой, особенно в каникулы, поэтому на тихую девочку, с редким тогда именем Диана и с обязательной книжкой в руках, смотрела косо. Родители считали, что девочке полезен свежий воздух, поэтому выпихивали ее во двор, не подозревая, какие муки ада испытывает дочь, оказавшись там. Дворовые мальчишки безнаказанно задирали ее, а девочки ехидно пересмеивались за спиной, завистливо разглядывая ее новые колготы с рисунком и красивую юбочку. Особенно ей доставалось от Андрейки, рыжего конопатого пацана, который постоянно норовил швырнуть в нее пригоршню песка и задрать подол. Близнецы Анька

и Машка при этом дружно хохотали, а вслед за ними начинал веселиться весь двор. Диане ничего не оставалось, как отыскивать себе укрытие на ближайшие два часа, пока, в конце концов, родители не посчитают, что она получила дневную норму кислорода. Хорошим прибежищем стал для нее раскидистый тополь, куда она забиралась, рискуя порвать колготы и ободрать руки в кровь. Но в зеленой раскидистой кроне можно было неплохо устроиться и даже почитать. Изредка, поднимая глаза к небу, она воображала себя редкой птицей, живущей в своем, закрытом ото всех, мире. Листья шумели, играя с летним ветерком, а ей казалось, что так шелестят ее крылья. Будущее ей рисовалось таким же безоблачным и чистым, как синее небо, которое едва проступало сквозь зеленую массу листьев.

Когда она была в классе четвертом, у них за стенкой появились новые соседи. Диана их не видела, только знала, что с ними живет дочка примерно ее лет. Воображение рисовало ей хорошенькую, тихую девочку с кудряшками, обожающую книги и играющую на пианино. Девочка уже представляла себе, как они вместе сидят в ветвях тополя и мирно беседуют о своем, о девичьем. Совсем некстати Диана в те дни подхватила ангину и вынуждена была оставаться дома целых две недели. Так что знакомство с новой девочкой откладывалось. Вместе с тем ее родители все чаще стали проявлять недовольство по поводу того, что новые соседи за стенкой ведут себя очень беспокойно. У них то и дело вспыхивали ссоры, хотя голос доносился один и тот же, мужской, очень строгий, иногда, как казалось, с нетрезвыми интонациями. Звуков фортепьяно не было слышно, вместо этого один раз о стенку громко билась целая дюжина тарелок. Как понимала маленькая Диана, во всем виновата была мать семейства, потому что выкрики «… мать!» слышались чаще всего. Родители Данилевской пытались запереть дочку в детской, но ужасные звуки доносились даже туда.

Вместе с тем какие-то уж совсем непонятные вещи происходили во дворе. Кто-то здорово отлупил вредного Андрейку, а близнецы Анька с Машкой и вовсе разлюбили выходить на улицу. И однажды в час, когда ребята обычно возвращаются из школы, Диана через окно своей кухни увидела ее…

Девочка шла по двору вальяжно, как королева. Остановившись посередине площадки, она пинком ноги отшвырнула куда подальше видавший виды портфель, а сама уселась на лавочку, оглядывая хозяйским взглядом весь двор. С пятого этажа было не так хорошо видно ее лицо, но Диана все же смогла рассмотреть вихры на голове, еле скрепленные заколкой, колготки гармошкой и бесформенное школьное платье. В довершение всего, девчонка ковыряла в носу, как, разумеется, не поступают приличные дети на улице. От глаз Дианы не укрылось, что паршивец Андрейка поспешно укрылся в подъезде, а старушки на лавочке неодобрительно покачали головами, адресуя свое осуждение, разумеется, этой нахальной девице. Правда, ей до этого не было никакого дела. Она даже не вытащила палец из носа. Зрелище было неприятным, и Диана пообещала себе, что постарается обходить дворовую хулиганку стороной. Если, конечно, это получится.

В школу она пришла со справкой о болезни, пропустив с начала учебного года две недели. Класс ее встретил не особенно дружелюбно. Впрочем, она к такому отношению уже привыкла. Лишь только вихрастый одноклассник Толик, увидев ее, присвистнул.

– Там тебя ждет такое! – произнес он, описывая руками что-то устрашающе огромное. – Скоро сама все увидишь.

Девчонки шушукались за ее спиной, а она шла к своей парте, недоумевая, что ее ждет впереди. Или *кто*? Слон или бегемот? Прозвенел звонок, и она застыла на месте. На последней парте, на камчатке, сидела та самая девчонка, которую она видела в своем дворе. Этого не могло быть! Класс смотрел на них с интересом.

– Ну, что рот разинула? – спросила ее новая соседка. – Садись уже.

– Добрый день, – вежливо произнесла Диана, выгружая из портфеля учебники.

В класс уже зашла учительница. Ребята нехотя потянулись по своим местам. Урок начался.

Вопреки ожиданиям одноклассников, новая девчонка не поколотила Диану и даже не обозвала ее крепким словом. Вместо этого Ольга сидела и смотрела, как круглая отличница заполняет строчки тетради красивым почерком, аккуратно чертит фигуры, используя при этом такие школьные принадлежности, каких она раньше вообще не видела. В ее распоряжении были лишь старая деревянная линейка, доставшаяся ей не то от отца, не то от матери, в общем, ненужная в хозяйстве вещь, которой ее часто колотили по затылку, да еще резинка, такая жесткая, что после ее использования в тетради оставались черные полосы и дыры. Ольга насупилась, пораженная до глубины души классовой несправедливостью. Но чистюля вдруг, словно почувствовав настроение соседки, открыла пенал и выложила перед ней красивый новенький ластик.

– Держи. У меня есть запасной. Мне их тетя привозит из ГДР.

Ольга проглотила слюну, но подарок взяла. Так установился между ними хрупкий мир, странное сосуществование двух непохожих друг на друга девочек.

Всем же остальным вокруг Ольга спуску не давала. Она вела себя, как самый настоящий пацан, дерясь и кусаясь, как злая дворовая собачонка. Ее обходили стороной, понимая, что связываться с ней – себе дороже. И вот как-то раз, став свидетельницей того, как кто-то из одноклассников решил в очередной раз задрать тихоню Диану, Ольга коршуном налетела на обидчика. Через минуту тот удирал прочь, размазывая по лицу слезы и сопли.

– Если еще обидит, скажи мне. Шкуру с него спущу, – проговорила она, потирая ушибленный кулак.

Диана знала, что никогда не обратится к ней за помощью.

– Я… Спасибо, – проговорила она, запинаясь.

С тех пор никто из одноклассников и дворовых ребят не смел больше обижать Диану, словно отсвет боевых подвигов странной подруги падал и на нее тоже. Жить стало намного комфортнее, и книги можно было читать теперь не на дереве, а на самой лучшей лавочке под кленом. Но сидеть в ветвях стало уже привычкой, милой причудой, от которой Данилевская отказаться не могла. Однажды она пригласила к себе Ольгу. Удивительно, но та не стала смеяться над ней, а в два прыжка, как дикая кошка, преодолела расстояние от земли до средних веток, где и располагалось прибежище новой подруги. Странно, но только сейчас Диана обратила внимание, что, по некой прихоти природы, в кроне разместилось *два* удобных сиденья, одно из которых словно предназначалось для Ольги.

– Здорово здесь, – проговорила она, удобнее устраиваясь в ветвях. – Только как-то смешно, по-детски.

Диана улыбнулась, пожимая плечами. Ей давно хотелось задать подруге вопрос, но каждый раз она не решалась.

– Ты защищаешь меня, – сказала она наконец. – Почему?

Ольга удивилась:

– Черт возьми! Ты что, жалуешься?

– Нет, конечно. Но со всеми другими ты не так любезна. Можешь ударить, назвать как-нибудь нехорошо. Получается, мне везет?

– Хорошая ты девчонка, – проговорила Ольга. – Жаль только, размазня. Но это не страшно. Знаешь, ты похожа на… как их? Из книжек? Дай-ка посмотрю…

Она взяла из рук Дианы книгу Герберта Уэллса. Увидев иллюстрацию к «Войне миров», она только покачала головой.

– Не-е, я такое не читаю. Мне нравится про принцесс. Ты похожа на одну из них. Такая же красивая и добрая, – голос ее звучал почти застенчиво. – А принцесс – их всегда кто-нибудь защищает…

Детство Ольги протекало по типичному сценарию, написанному для всех семей, для которых и в будни, и в праздники есть один гость – бутылка. Вернее будет заметить, что пил только отец. Мать же не брала в рот и капли. Но разве это имело значение, когда поддатый папенька вливал в себя столько, сколько обычной семье хватит для того, чтобы встретить и проводить друзей. Впрочем, эти подсчеты Крапивина-старшего интересовали мало. Он именовал себя гордо – кормилец семьи, и поэтому считал, что имеет право тратить на водку столько, сколько пожелает. Он давно уже не обращал внимания на то, что все его трудовые гроши уходят в водочный магазин, а живут они, еле-еле сводя концы с концами, проедая зарплату жены. Та безропотно мыла полы в подъездах, стирала и готовила нехитрую еду, убирала блевотину, ходила в магазин – в общем, выполняла всю «легкую» женскую работу.

Еще будучи ребенком, Ольга, как зверек, забивалась под стол, едва заслышав тяжелые шаги отца на лестнице. Он долго возился у двери, пытаясь попасть ключом в замочную скважину, а потом бил ногой в дверь и орал на весь подъезд так, что у бедного ребенка кровь стыла в жилах. Ольга не возражала бы, чтобы ее отец в один прекрасный вечер вообще не вернулся домой, замерзнув в снегу, как дядя Паша из соседнего подъезда. Но мать и в пургу, и в дождь шла на улицу – разыскивать непутевого родителя. Она вытаскивала его из канав и подворотен, тащила на своем горбу, преодолевая ступени в подъезде, разувала и раздевала, укладывая его в постель, а утром бежала в магазин «за лекарством». Тем не менее супруг не был доволен ей. Все она делала не так, медленно и плохо, да и вообще, на его взгляд, она была дура.

– Ма! – спрашивала дочь. – Почему ты не бросишь его?

– Как же можно, это ж твой отец! – дивилась женщина.

– Не нужен мне такой отец, да и тебе он не нужен тоже.

– Мала ты еще! – отмахивалась мать. – Не знаешь, как на свете тяжело прожить без мужчины.

Детский ум пытался, как мог, отыскать рациональное звено в словах матери, но это никак не удавалось. Как ни верти, отец по-любому оказывался обузой. На одну только стеклопосуду, остающуюся после его обильных возлияний, можно было бы собрать девочку в школу. Чтобы и форма была, как у других детей, и ранец с рисунком, и красивый пенал, и вторая обувь… Но мать сдавала бутылки и возвращала деньги отцу, и они шли во вторичный оборот. А школьное платье переделывалось из материнского тряпья. Ранец оставался тем же, что и в первом классе, когда сердобольные соседи одолжили им старую сумку своего выросшего сына. Что такое пенал, девочка вообще узнала, увидев в школе у детей красивые коробочки с письменными принадлежностями. Так и жили…

«Когда я вырасту, я докажу маме, что можно прожить и без мужчины в доме», – сказала себе как-то раз Ольга, не подозревая, что это станет ее девизом, жизненной установкой на долгие, долгие годы.

Была ли она способной, родители так и не поняли – просто потому, что никогда не задавали себе подобного вопроса. «Она ж девка! – говорил хмельной отец. – Зачем ей грамота? Будет сидеть у кого-нибудь на шее, как моя дура! На то они, бабы, и годятся». Ольга скрипела зубами, но отцу не перечила, боясь навлечь на себя его гнев. Зато она бегала и прыгала лучше всех в классе, а когда поняла, что может опрокинуть на спину любого своего сверстника, и вовсе задрала нос. Она не была крупной, скорее, жилистой и подвижной. Но в драке, как она уже успела понять, решающей оказывалась не масса, а сила духа и напор. А этого ей было не занимать. Она набрасывалась на своего обидчика так отчаянно, словно

собиралась растерзать его в клочья. «Все бабы – дуры!» – слышала она в ушах знакомый голос и колошматила что было сил, вымещая на своей жертве злобу, с налитыми от ярости глазами. Вопли о пощаде казались ей райской музыкой, и она воображала, что это собственный отец плачет и извивается под ее меткими ударами.

Между тем время шло, оставляя позади воспоминания о детских обидах и содранных коленках. Девочки взрослели, превращаясь в девушек: блузки топорщились под натиском молодой красивой груди; волосы становились длиннее, а мысли – свободнее. Вот только дружба не менялась, становясь только крепче год от года.

В каком-то смысле Ольга и Диана оказались заложниками своей привязанности. Они были и остались кем-то вроде изгоев в своем классе, что их, правда, не совсем огорчало. Девочки были очень по-своему индивидуальны и независимы, так что почти всегда оказывались в стороне от школьной компании. Диана была слишком домашним ребенком, погруженным в мир книжных грез. Ольга же, наоборот, – оторви и выбрось, она не признавала авторитетов и вела себя так, как считала нужным. Разумеется, интеллигентные родители Дианы были немало обескуражены появлением в их доме странной подруги дочери. Какое-то время они даже пытались препятствовать их общению. Но девочки, вместо того чтобы разойтись в разные стороны, прочно обосновались в кроне тополя, а холодные вечера (что уж вообще не лезло ни в одни ворота) просиживали в подъезде. Бог весть, на какие темы могли общаться между собой такие непохожие дети! Но когда Диана подхватила вдруг воспаление легких, Ольга едва ли не поселилась у нее в больнице (благо дома ее никто не ждал!). Каждый раз, когда супруги Данилевские появлялись в приемном покое, нагруженные домашними пирожками и киселями, странная ободранная девчонка покорно убиралась прочь, чтобы вернуться сразу же, как только за ними захлопнется дверь. Когда беда приключилась с Ольгой (она сломала на тренировке правую руку), Диана окружила ее заботой: писала за нее домашние работы, помогала ей одеваться, таскала ей из дома вкусную еду. Таким образом, когда на скамейке возле подъезда появилась процарапанная гвоздем надпись: «Ольга + Диана = навсегда», никто не удивился. Данилевские капитулировали тоже, разумно решив, что не стоит препятствовать тому, что остановить они не в силах. Немного смущало, что соседская девочка выполняет фактически функции парня их дочери: защищает ее во дворе и школе, разрешает все конфликты с учителями, встречает после занятий в музыкальной школе. Конечно, естественнее было бы, чтобы все это делал мальчик, красивый, умный и плечистый. Но с мальчиками, как известно, тоже хлопот не оберешься. Опять же, если юношеские отношения перейдут за запретную черту… Нет, пусть уж лучше будет подружка!

Странная дружба наложила отпечаток и на характеры девочек. Так, Данилевская в конце концов поняла, что мир намного богаче и грязнее того, что ей проповедовали со своих страниц любимые книги. Что, помимо добра и зла, существуют еще и полутона, те или иные толкования двух полярных противоположностей. Что для того, чтобы выжить, мало быть честным и справедливым, надо еще и уметь приспосабливаться. И что, к сожалению, люди чаще понимают силу, чем доброе слово.

Ольга тоже вынесла из их общения много нового, что самым благоприятным образом отразилось на ее внешности и поведении. Она начала следить за собой, за чистотой своего тела и волос, выбросила заплатанные чулки и приобрела дешевую, но новую одежду. Конечно, все это давалось ей не так уж легко.

Папаша в очередной раз пытался вставить ключ в замочную скважину, когда вдруг дверь внезапно распахнулась, и на пороге предстала не запуганная и замурзанная жена, а дочь – руки в боки, вся из себя красивая и решительная.

– Ах вы, б…, – беззлобно заметил отец. – Ну почему никогда не можете встретить человека после работы?

Он был относительно трезв и планировал срочно исправить это, откомандировав жену в магазин за водкой. Дни ее зарплаты отпечатывались в его затуманенном алкоголем мозгу с фотографической четкостью. Сегодня как раз был тот самый день.

– Зинк! – прогудел он с порога. – Давай сгоняй-ка в магазин! Ну, чего ты, дура, там прячешься?

Зинаида и правда вела себя странно, учитывая то, что сегодня ее еще никто пальцем не тронул. Она сидела на кровати и скулила, как побитая собака.

– Ой, Витьк, так ить денег-то нет, – выговорила она еле-еле.

– Как так нет? – удивился «кормилец». – Что, зарплату не дали?

– Дали, – горестно всхлипнула жена. – Так ить Олька ее на тряпки потратила. Не сказавши мне, все, до копеечки, загребла да платьев напокупала. Не знаю, что теперь и делать. В доме-то – шаром покати!

– Ах, вот, значит, как! – помрачнел глава семейства. – Значит, доча поперек батьки пошла? Отцу кушать нечего, а она обновки себе покупает?

– Папа, если вы хотите кушать, я вам кефир купила и городскую булку, – не моргнув глазом сообщила дочь.

– Значит, вот что может получить рабочий человек вместо заботы и уважения? – продолжал сокрушаться отец, а затем без предисловий вытащил брючный ремень. – Ну что же, будем воспитывать!

Дальнейшие события разворачивались как обычно, за исключением того, что в этот раз от отцовских «ласк» пришлось бегать дочери. Впрочем, прятки быстро надоели строптивой Ольге и, вырвав ремень из нетвердых отцовых рук, она несколько раз протянула им по спине родителя.

– Ой, лишенько! – голосила мать. – Это ж твой отец…

На следующий день папа, собрав стеклотару, устроил очередной дебош и с чувством разодрал в клочья все обновы дочери. Ольге, которая пришла из спортивной секции вечером, довелось увидеть лишь ворох цветных полосок и отодранных пуговиц. Мать смотрела на нее с испугом. Ни слова не говоря, девушка выбежала из квартиры.

– Пусть идет, куда хочет! – орал родитель. – Руку позволила себе на отца поднять, сопля зеленая!

Когда через тридцать минут в дверь позвонили, мать не заподозрила ничего дурного. На пороге стояли милиционеры. Крапивину дали пятнадцать суток, и жители подъезда впервые за несколько лет наслаждались тишиной и спокойствием. Только в самом семействе было неспокойно. Мать поедом ела Ольгу.

– Как тебе не совестно? Это ж твой отец! – увещевала она дочь.

– Ладно хоть ты об этом помнишь.

– Пойди отнеси ему передачу, – не унималась Зинаида. – Он там, поди, голодает! Я все, что нужно, уже собрала.

– А водку-то положила?

– Положила бы, если б можно было, – сказала мать. – Но там, говорят, с этим строго. Как он там, сердешный?

Первое, что сделал отец, вернувшись из заключения, – крепко отругал мать. К дочери он даже и не прикоснулся. Косился, правда, в ее сторону, но мстить не стал. В зарплату кинул ей пятнадцать рубликов.

– Купи себе что-нибудь, – сказал он хмуро. – А то папка тебе все плохой. Не видела ты еще плохих, доча!

Так в их доме воцарился худой, но мир. Отец признал право дочери на часть семейных доходов и шумел уже меньше, с оглядкой.

Об отношениях полов девочкам никто не рассказывал. Родители Дианы, в силу своей интеллигентности, считали подобные разговоры неприличными, воспитывая дочь в духе чистой литературной любви. «Умри, но не давай поцелуя без любви», – повторяла мать, и девочка искренне считала, что этими самыми поцелуями все и ограничивается. Получая каждый вечер родительский поцелуй в лоб и пожелание спокойной ночи, она знала, что то же самое будет когда-нибудь проделывать и ее супруг. Небольшая разница!

Родители Ольги вообще подобными проблемами не задавались. Вопросы взаимоотношений полов затрагивались отцом только в грязных площадных выражениях, сказанных в привычной для него злобе, когда он по тому или иному поводу распекал мать. Неудивительно, что девочка, выучив лексику отца наизусть, на долгое время сохранила отношение к сексу, как к чему-то грязному и отвратительному. «Принесешь в подоле – убью!» – говорил отец. Этим половое воспитание Ольги и ограничивалось.

Тем не менее девочки иногда говорили о будущем, грезя о том, каким будет мужчина их мечты. «Красивым и справедливым, умным и заботливым», – заявляла Диана. «Он не будет пить!» – добавляла Ольга, сомневаясь, нужен ли будет ей мужчина вообще.

Но где-то классе в восьмом абстрактный образ из детских грез Дианы приобрел вполне определенные черты. Случилось это благодаря тетушке, исправно снабжающей семейство Данилевских всякими зарубежными штучками. К одной из упаковок сигарет прилагалось нечто вроде рекламного проспекта, обычной яркой бумажки, которых сейчас пруд пруди. Но тогда на юную Диану эта реклама произвела грандиозное впечатление.

На вершине скалы, в лучах заходящего солнца, сидел мужчина. Нет, он совсем не был похож на изображения принцев из ее детских книг, где все положительные герои рисовались как под копирку: немного женоподобными, с курносыми носами и длинными золотистыми волосами. Сигаретный типаж был совсем иным. Мужчина был совсем не юн и не свеж, лет так под тридцать восемь – сорок. Его обветренное лицо с легкой небритостью выражало усталость и удовлетворение. Он смотрел на солнце, прищурив глаза и сжимая в руках сигарету. Загорелую кожу оттеняла белая рубашка, раскрытая на груди, а сильные стройные ноги были обуты в грубые сапоги.

Неизвестно, что именно так сильно поразило Данилевскую, но она не могла отвести взгляд от его небритых щек, от морщинок в уголках глаз, от темных волос в вырезе рубашки. Все это было так ново, так не походило на растиражированные образы борцов за счастье народов. Мужчине на рекламной бумажке не было дела до того, как ведется строительство последней очереди завода у них в районе, ему было наплевать на то, победит ли коммунизм в отдельно взятой стране. Он просто сидел и смотрел на солнечный закат, усталый и довольный уже тем, что преодолел путь до этой скалы и сидит теперь на вершине мира…

Диана была еще совсем ребенком, чтобы понять, отчего у нее вдруг так сладко замирало сердце, когда она воображала, каково оказаться в объятиях этих сильных, мускулистых и загорелых рук. Как здорово, должно быть, прижаться щекой к его прохладной колючей щеке и сидеть рядом, не говоря ни слова, просто любуясь закатом. Наверняка здорово было бы получить от него поцелуй в лоб и пожелание спокойной ночи или… Но так далеко фантазии ее пока не заводили, однако как-то очень приятно становилось в паху и желание чего-то большего, чем обычная родительская ласка, охватывало все ее естество. Она осознавала, что этот незнакомец совсем не похож на ее отца, красивого, сильного, но какого-то другого, слишком правильного, слишком разумного и ответственного. Путник с сигаретой не был похож ни на кого, только на самого себя, и этим он нравился ей еще больше. «Вот он, мужчина, которого я когда-нибудь полюблю», – сказала она самой себе.

– Ну что же! Совсем неплох, – сказала ей Ольга, рассматривая заветный снимок. – Сразу видно, что не лох и не размазня. Но где ты видела таких? У нас в районе таких точно не водится, детка.

– Неважно, – сказала Диана. – Значит, где-то такие все же есть. Я буду надеяться, что встречу его. А встретив, не отпущу его никуда.

– Глупо тратить всю жизнь только для того, чтобы дождаться одного-единственного мужчину, – заметила Ольга со знанием дела. – Я уж точно не буду цепляться за чьи-нибудь штаны.

Но, как показало время, обе они ошибались.

Глава 4

Елизавета сдержала свое слово, появившись в доме Данилевских ровно через два дня. Встретила ее сама хозяйка, и Дубровская, забыв о приличиях, уставилась на нее, пораженная проницательностью следователя Красавина.

– А вы сегодня выглядите лучше, – заметила она искренне.

Куда девалась блеклая замарашка? Перед Елизаветой, в кресле напротив, расположилась молодая привлекательная особа, с роскошной шевелюрой и фигурой японской статуэтки. Писательница пренебрегла косметикой, но сегодня ее лицо, умытое и отдохнувшее, мало походило на унылую физиономию узницы изолятора. Темные глаза с красиво загнутыми ресницами эффектно выделялись на бледном лице, тонкие черты которого поразили бы художника своей соразмерностью. Диану, пожалуй, можно было даже назвать красивой, если бы не подчеркнутая строгость во всем ее облике. Она начисто была лишена кокетства и милой женской непосредственности. Конечно, сказать, что Данилевская была необаятельна, не повернулся бы язык, но, общаясь с ней, так и хотелось посоветовать молодой женщине стать немного проще. Не всегда нужно смотреть на мир с позиции строгой учительницы. Иногда приятнее быть просто ученицей. Впрочем, должно быть, Елизавета слишком многого хотела от своей клиентки, обвиняемой, ко всему прочему, в убийстве.

– Мне хотелось бы услышать от вас версию событий, которые произошли в сентябре прошлого года в горном лагере, – сказала Дубровская, открывая блокнот для пометок.

Диана поморщилась. Почему они все не могут оставить ее в покое? Разве мало она страдала?

– Я слышала, что могу отказаться от дачи показаний, – сказала Данилевская, пытаясь тщательно замаскировать свое раздражение.

– Верно, – заметила Лиза. – Это ваше право. Но не думаю, что такая позиция приведет нас к успеху. Для того чтобы выиграть дело, пассивного ожидания мало. Нужны активные наступательные действия. Кроме того, я – ваш адвокат, и мне нужно знать, какими фактами мы располагаем.

Максимов так и замер на пороге с кухонным полотенцем в руках.

– Ну же, Диана! – не выдержал он. – Ты должна все рассказать. Ведь тебе нечего скрывать.

– Я никого не убивала, – проговорила та четко, считая, видимо, что такое объяснение событий должно удовлетворить всех.

– Уже хорошо, – отозвалась Елизавета. – Давайте поступим так. Учитывая, что вам сложно излагать свои мысли в свободном рассказе, я буду задавать вопросы. Так будет проще. Идет?

– Разумеется, – отозвался Максимов, присаживаясь на подлокотник кресла и ни на секунду не выпуская из рук полотенце. – Мы сейчас все вспомним. Правда, Дианочка?

– Ну, вот и хорошо, – сказала Дубровская, игнорируя упрямый взгляд своей новой клиентки.

– Итак, что вы делали в горном лагере? – начала допрос Елизавета.

– Я записалась на курсы для новичков. Собиралась изучить азы скалолазания, – пожала плечами Данилевская.

– Это действительно вам было необходимо?

– Да. Я написала серию книг, посвященных данной тематике. Разумеется, моим жанром был детектив с элементами сентиментального романа. Вы понимаете, о чем я говорю?

– Еще бы не понимать, – отозвалась Елизавета, уже начисто забывшая о предостережениях Максимова. – Любовные истории, рассчитанные на женщин, где горная экзотика идет только фоном, на котором кипят нешуточные страсти.

– Я не люблю, когда так говорят, – резко заметила Данилевская. – Но дело не в этом… Описанные мною страсти на самом деле заинтересовали читателей. Но, помимо положительных откликов, я получила ряд замечаний от людей, которые неплохо разбирались в скалолазании. Их не устраивали мелкие неточности, сути которых, разумеется, я знать не могла. Ну, там, как крепится карабин… Чем отличается верхняя страховка от нижней. И хотя к замыслу романа все это имело весьма опосредованное отношение, меня, как говорится, «заело». Хотелось самой, пусть даже без экстрима, прочувствовать, что испытывает скалолаз, стремясь к вершине.

– Ну, в общем, это логично…

– Еще бы! Кроме того, не забывайте, у меня была уникальная возможность поучиться у опытного инструктора. Ольга, самая близкая моя подруга, была настоящей профессионалкой в этом деле. Я хотела взять у нее несколько уроков.

– А какие отношения у вас были с Крапивиной?

Данилевская посмотрела на адвоката с непониманием:

– Какие отношения могут быть у двух подруг? Разумеется, самые лучшие. Мы дружили с детства, и Ольга была мне как сестра.

– Ну что же, замечательно! – воскликнула Дубровская, но вдруг, осознав, что они говорят о мертвом человеке, разом осеклась. – Я хотела сказать, это хорошо для защиты. Но позвольте выразить вам мои соболезнования. Смерть подруги и так стала для вас серьезным ударом, а тут еще и это…

– Да, это было ужасно. Как вспомнишь…

Прошло немало времени, но Данилевской так и не удалось стереть из памяти страшную картину того сентябрьского дня.

Человеческая психика – тонкая материя, но она содержит защитные механизмы, блокирующие ужасные воспоминания. Они как бы запираются на замок и откладываются в самый дальний уголок сознания, так что, воспроизводя события прошлого, человек только пожимает плечами. Вроде я там был, все видел, но все словно вышибло, ничего не помню! Но в случае с Крапивиной Ольгой все было не так.

Прошло более полугода с момента ее кончины, но Диана так же отчетливо, как и в тот сентябрьский день, видела ее мертвое лицо и глаза, раскрытые так широко, словно стремящиеся напоследок охватить синеву бездонного неба. Смерть немилосердна и отвратительна, потому что отказывает человеку в праве перейти в другой мир красиво и достойно. Закрывая глаза, Данилевская видела натуралистические подробности падения с высоты на скалы и помнила, как ее выворачивало наизнанку тут же, рядом с мертвым телом. Она не могла остановиться, извергая содержимое своего желудка на траву, испачканную кровью подруги.

После этого каждая ночь для нее превратилась в кошмар. Она боялась закрывать глаза и вообще отказывалась ото сна, пока давящая тяжесть усталости не накрывала ее с головой, заставляя на краткое время забываться. Однако призраки преследовали ее и в сновидениях. *Курящийся в низине туман, острые зубья скал, пронзительный крик «А-а!» и ужасный звук падения. Влажный шлепок, а потом ужасающая, вязкая тишина.*

Обливаясь холодным потом, она просыпалась и долго лежала, уставив глаза в ночь. Суточный ритм времени потерял для нее всякий смысл. Диана существовала где-то на границе сна и реальности, не понимая подчас, что происходит с ней наяву, а что – лишь ночной кошмар…

– Итак, вы явились тогда, когда тело Крапивиной уже лежало у подножия скалы?

Диана проглотила комок в горле.

– Совершенно верно.

– Вы предпринимали какие-нибудь меры, чтобы помочь подруге, ну, или хотя бы удостовериться, что она мертва?

– В этом не было смысла. Она… она…

– Прошу прощения, – вклинился в разговор Максимов. Он укоризненно смотрел на Дубровскую. – Вы представляете, как выглядит человек, упавший со скалы? Есть ли смысл щупать пульс, когда его мозги разбросаны в радиусе нескольких метров?

Елизавета почувствовала себя уязвленной.

– Вы правы, но вопрос я задала не из простого любопытства. Я хочу понять, какие данные свидетельствуют о том, что Диана вообще была на месте происшествия?

– Она сообщила об этом сама, а позже дала письменные объяснения руководителю оперативной группы, выехавшей на место происшествия, – сообщил Максимов. – Так что говорить об алиби уже бессмысленно. Диана была там. Ужасное стечение обстоятельств!

– Но какова ваша версия ее гибели? – поинтересовалась Лиза.

– Я утверждаю, что это несчастный случай, – пожал плечами Максимов. – Первоначальные выводы следствия были абсолютно верны. Не знаю, кому понадобилось повторно вытаскивать скелеты из шкафа? Ведь очевидно, что Крапивина в то утро тестировала подготовленные для лазания трассы. Ее обнаружили в скальных туфлях. На земле остался мешочек с магнезией, которой она обрабатывала руки. Будучи опытной скалолазкой, Ольга тем не менее переоценила свои силы. Ее сгубила самонадеянность, а вовсе не чей-то злой умысел. Почему она пошла на гору в одиночку? Почему пренебрегла страховкой? Где был ее защитный шлем, черт подери?

– Но какая нелегкая привела Диану на место происшествия? – не сдавалась Елизавета. – Насколько я помню, было около восьми часов утра, и в лагере даже еще не приступали к занятиям.

– Она просто шла пообщаться с подругой, – не унимался Максимов. – Какой здесь может быть скрытый подтекст?

– Очень занимательно, – прокомментировала Елизавета. – Но все же я была бы крайне признательна, если бы на вопросы отвечала сама Диана. В суде вам не дадут слова. Вас не было на месте происшествия, стало быть, о чем вы можете говорить?

– Я действительно хотела поговорить с Ольгой, – произнесла Данилевская. – В последнее время мы не так часто общались. Кроме того, вокруг нее в лагере беспрестанно крутилась молодежь. Тем ранним утром я рассчитывала застать ее одну. Так и получилось… Она была совершенно одна, а вокруг – ни души!

– А вы не вспомните расположение трупа? Лежала ли она на спине либо, наоборот, лицом вверх? Видели ли вы какие-нибудь предметы, свидетельствующие о том, что Крапивина забиралась на скалу?

– Я видела ее глаза, – тихо проговорила Диана. – Они были залиты кровью. Я… я не знаю, как она упала. На спину, получается. А еще там была ее спортивная куртка, красная, кажется.

– А были ли у нее на руках перчатки? Ну, не знаю, что-то должно было защищать руки от ссадин? – спросила Елизавета.

– Перчатки? Не помню. На это я уже не обратила внимания. Мне… мне стало плохо. – Данилевская прикрыла глаза.

– Милая, с тобой все в порядке? – забеспокоился Максимов.

Она презрительно улыбнулась.

– Я – теперь я всегда в порядке. Гибель подруги меня бодрит!

– Может, на сегодня закончим? – спросила Лиза, с опаской поглядывая в сторону своей клиентки. Не хватало еще стать свидетельницей нервного припадка!

– Отлично, – отозвался Максимов. – Я вас провожу.

– Не понимаю, – говорила Дубровская Павлу уже в коридоре. – С ваших слов все выходит гладко. Несчастный случай на тренировке. Небрежность, стоившаяся Крапивиной жизни. С виду никаких признаков убийства! Подумаешь, Диана оказалась рядом. Должен же был ее кто-то обнаружить?

– Не думаю, что дело будет иметь судебную перспективу, – согласился Максимов. – Вопрос еще в том, а будет ли суд? Больше всего меня беспокоит то, что обстоятельства смерти Крапивиной предали огласке. Словно кто-то намеренно создает сенсацию, объявляя известную писательницу убийцей.

– Да, это очень неприятно, но, как я полагаю, огласки не избежать, – заметила Дубровская. – Я, конечно, никаких интервью давать не буду. Об этом не беспокойтесь. Но вот заткнуть рот журналистам вряд ли удастся. Вы же знаете, у нас свобода слова.

– Но есть еще и презумпция невиновности, – возразил Максимов. – Пока суд не вынес обвинительный приговор, Диана считается невиновной. Какое право они имеют о ней писать?

– Они должны подавать информацию правильно, только и всего. Дело не является закрытым, так как не содержит признаки охраняемой законом тайны. Разумеется, в случае положительного решения о виновности вашей жены мы потребуем опровержения.

– Но вред уже нанесен, – жестко произнес Максимов. – И вряд ли его исправишь каким-нибудь опровержением. Ярлыки у нас клеят быстро. Вот только отмыться от них удается не каждому. Но я не понял, вы предполагаете, может быть вынесение иного…

– Я не представляю пока, какими доказательствами обладает обвинение, – уклончиво ответила Лиза. – Вы же знаете, до определенной поры следователи не раскрывают свои карты.

– Ага! Следственная тайна, – догадался Павел.

– Что-то вроде того. Конечно, наступит пора, когда нас ознакомят с материалами дела и мы сможем прочитать показания свидетелей и данные экспертиз. Правда, это произойдет в самом конце расследования. Таковы правила. А пока мы можем только догадываться и собирать сведения по крупицам.

– Тогда я вам кое-что передам, – сказал Максимов и метнулся в соседнюю комнату. Уже через минуту он принес в руках объемную папку, перетянутую резинкой. – Держите. Прочитайте на досуге. Там газетные статьи, вырезки из журналов, рецензии.

И, словно отвечая на немой вопрос Елизаветы, он тихо заметил:

– Я не хочу, чтобы у вас были какие-то сомнения насчет Дианы. Она тут ни при чем. Вы увидите.

Дубровская не была уверена, что литературные рецензии помогут пролить свет на это дело, но папку у Максимова все же взяла.

Диана сидела в спальне, безучастно глядя в пол. Она слышала разговоры в прихожей, но не имела ни малейшего желания присоединиться к ним. Павел передал адвокату папку с вырезками, надеясь, что, прочитав хвалебные статьи, Дубровская будет думать о его жене лучше, чем думает сейчас. Какая глупость! Интересно, что сказал бы адвокат, увидев вот это?

Данилевская потянулась к прикроватной тумбе. Там, в самой глубине ящика, под стопкой глянцевых журналов и дамских романов в мягкой обложке, лежала фотография. Обычный портрет улыбающейся женщины, на обратной стороне которого темнела надпись:

«Дорогой сестренке от Ольги. Ты и я – навсегда!» Ничего особенного, если не считать того, что фотография была разорвана. В мелкие клочки. А клочки аккуратно высыпаны на самое дно ящика. Подальше от посторонних глаз.

Глава 5

Елизавета сняла резинку с папки и аккуратно развязала тесемки, освобождая содержимое. Как она поняла, здесь педантичный Максимов хранил все, что было связано с творчеством его жены. Почему этим занимался он, а не сама Диана? Вот подпись, сделанная его рукой: «Дианочка на встрече с читателями. Дом творчества молодежи». Вот аккуратно наклеенная на плотную бумагу газетная статья «Скалолазка моя». Вот очередная фотография, где смеющаяся Диана запечатлена на фоне своих книг, и опять надпись – «Солнышко на презентации своей книги».

Дубровская почувствовала даже что-то вроде белой зависти к женщине, чей муж упивается успехом своей второй половины. Вот у них в семье все по-другому. Андрей Сергеевич, о котором так проникновенно рассказывал Максимов, только скрипит зубами, когда речь идет о новом расследовании Елизаветы. «Да уймешься ли ты, в конце концов!» – говорит он в сердцах, после чего следует обязательный совет обратить внимание на домашнее хозяйство. Когда он весел, то, дурачась, обещает ей совершить налет на банк или ограбить старушку в переулке. «Надеюсь, ты тогда полюбишь меня, как одного из своих головорезов? – спрашивает он. – Единственный способ привлечь твое внимание – это убить кого-нибудь».

Разумеется, он не станет читать очередной приговор, вынесенный клиенту Елизаветы, а, увидев ее фото в разделе криминальной хроники, обязательно скажет, что в деловом костюме она напоминает ему председателя жилконторы, тощую пожилую тетку с пучком на голове.

«– Скажите, Диана, существует ли в реальности персонаж, которого вы описали в своем романе „Скалолазка“?

– Разумеется, существует. И здесь нет никакой тайны. Это моя лучшая подруга Ольга Крапивина.

– Неужели госпожа Крапивина такая же сильная и бесстрашная, как ваша героиня? Или все-таки это больше собирательный образ?

– Ну, скажу вам, Ольга бы только посмеялась над тем, что вы называете ее „госпожой“ (Данилевская улыбается). Крапивину очень сложно представить в платье с оборкой и с кружевным зонтиком. Всем „шпилькам“ на свете она предпочитает „скальники“, специальные скальные туфли. Что касается ее силы и бесстрашия, судите сами. Она преодолевает пятисотметровые маршруты, пробитые под лазание, а также трассы, где расстояние между крючьями достигает четырех-восьми метров. Падать в случае срыва пришлось бы десять-пятнадцать метров! А ведь иногда она лазает без страховки!

– Странно, что она еще жива. Простите, это, разумеется, шутка.

– Ольга бросает вызов судьбе. Ее железной воле и уверенности в собственных силах может позавидовать даже мужчина. Честное слово, мне самой хотелось бы многому научиться у нее!

– Надеюсь, и сама Ольга гордится вашей дружбой? Вы – успешная женщина, популярная писательница, должно быть, ваши отношения приносят пользу вам обеим?

– Я не знаю, можно ли назвать наши отношения дружбой (Данилевская смущенно улыбается). Наверняка это даже нечто большее. Мы соединены кровно, как две родные сестры. Мы переплетены, мы зависимы друг от друга. Для меня нет человека ближе Ольги. Для нее, надеюсь, таким человеком являюсь я.

– Простите, Диана, но как же ваш муж? Его не смущает второстепенная роль в вашей жизни?

– Я считаю, это некорректный вопрос (писательница недовольна). Как можно спрашивать, кто ближе: муж или сестра?

– Но позвольте, насколько мне известно, Крапивина вам сестрой не является. Вы воспитывались в разных семьях…

– Считайте, что я оставила ваш вопрос без ответа…»

Так Диана отвечала на вопросы журнала «Досуг». А вот интервью самой Ольги Крапивиной, опубликованное в журнале «Спорт».

«– Как вы относитесь к творчеству Дианы Данилевской?

– Несмотря на то, что мне дорого все, что связано с Данилевской, я позволю себе разграничить Диану и ее творчество. Она – преданный друг, замечательный человек. Кроме того, для меня она – эталон женственности и красоты.

– Ну а как же ее творчество?

– Безусловно, Данилевская – творческий и одаренный человек. Она – талантливая писательница, которая обязательно станет звездой! Я читала ее книги. У нее легкий и красивый слог. Ну а по части выстраивания интриги я просто не нахожу ей равных.

– А вам нравится то, что Данилевская сделала вас прототипом главной героини? Чего греха таить, она превратила вас в звезду. Все хотят знать, кто вы, чем занимаетесь и испытывали ли вы в своей жизни хотя бы малую толику всех тех приключений, которые выпали на долю легендарной Скалолазки?

– Могу сказать откровенно, подобная слава меня больше смущает, чем радует. Диана знает, что я не стремилась к известности. Звездой можно назвать ее, но никак не меня. Посмотрите, ну какая я девушка с обложки? (Крапивина смеется.) У меня проблемы с кожей, поскольку я много времени провожу на свежем воздухе со всеми присущими этому минусами: палящим солнцем, обжигающим ветром, колючим снегом. Это героиня Дианы цветет, как дикая роза. Ей все нипочем: ни резкие перепады температур в горах; ни ожоги глаз, которые можно получить даже в облачную погоду. Она – красивая, воздушная, с охапкой развевающихся волос.

– Ну а вы…

– А я такая, как есть. В старом, залатанном комбинезоне, с волосами, убранными под шапочку, в защитных очках, поскольку не хочу заболеть солнечной слепотой. Я не могу позволить себе иметь такие красивые руки, которыми обладает героиня Дианы. Посмотрите на мои: ссадины, царапины, обломанные и неровные ногти. А что с этим поделать? Ведь иногда хвататься за скалу приходится кончиками пальцев. Вряд ли здесь помогут накладные ногти.

– Значит, вы утверждаете, что романтики в горах нет?

– Это вы так утверждаете. „Внизу не встретишь, как не стремись, за всю свою счастливую жизнь десятую долю таких красот и чудес“. Помните, кто это написал? Готова проставить подпись под каждым словом этой песни! Но горы – это романтика другого рода. Это не поцелуи во время восхождения и не секс на вершине, после которого герои дают клятву вечной любви и преданности. Это, ко всему прочему, грубая реальность: физическая боль, переломанные кости, ожидание схода лавины, горечь от потери лучших друзей. Но Данилевская – прекрасная писательница, а не скалолазка. Не нужно воспринимать романтику ее книг буквально. Она пишет сентиментальные романы, а вовсе не пособие по скалолазанию, и адресует свои истории обыкновенным читателям, для которых горы – это что-то такое… словом, неровное! (Крапивина смеется.)

– Значит, вы критикуете Данилевскую?

– Ни за что! Я готова вызвать на дуэль каждого, кто усомнится в таланте моей подруги. То, что я даю сейчас вам интервью, никак не связано с моими личными амбициями. Меня

известность подобного рода не интересует в принципе! Но я делаю это ради Дианы и ее читателей…»

А вот снимок, помещенный в одном из журналов. Диана и Ольга стоят, обнявшись, позируя перед камерой. Подпись: «Скалолазки».

Дубровская вгляделась в лицо Крапивиной. Ольга явно поскромничала, утверждая, что не похожа на романтическую героиню. Разумеется, ее трудно было представить в вечернем платье и туфлях на высоком каблуке, хотя и в них она смотрелась бы очень неплохо. Крапивина – это несколько иной типаж. Несомненно, красивая, но не светская. Высокая, широкоплечая, с выразительным взглядом зеленых глаз и твердым подбородком. Скорее спортивная, чем просто стройная. Такие женщины предпочитают комфортную одежду, устойчивый каблук и ясность в отношениях. Они не выносят лицемерия и двусмысленности, а к модному ныне гламуру относятся пренебрежительно. У них есть неплохой шанс построить политическую карьеру или возглавить успешный бизнес, поскольку к делу они привыкли подходить основательно, по-мужски, без всяких обходных маневров, интриг, недомолвок и женских капризов. Крапивина выбрала себе иную стезю. Она, обдирая руки в кровь, штурмовала скалы не для того, чтобы добыть себе славу и популярность, а для того, чтобы в очередной раз испытать себя. Судя по всему, она была не только опытной скалолазкой, но и альпинисткой. Журнал упоминал ее достижения, а для Дубровской, неискушенной в этих вопросах, Крапивина рисовалась кем-то вроде легендарной «Скалолазки» Высоцкого. Вопрос: «Зачем идете в гору вы?» звучал риторически.

А вот маленькая заметка, очерченная черной рамкой.

«Сегодня в горном лагере „Вершина“ произошел несчастный случай, стоивший жизни тридцатилетнему инструктору Ольге Крапивиной. Проверяя готовность трасс для занятий со своими учениками-спортсменами, молодая женщина сорвалась со скалы, получив в результате падения серьезную черепно-мозговую травму и перелом позвоночника. В штабе лагеря недоумевают, почему опытная скалолазка, не раз покорявшая серьезные высоты, потеряла равновесие на трассе, предназначенной для новичков. Но такое, к сожалению, бывает. Опыт иногда оказывает ложную услугу спортсменам, позволяя им забывать об элементарных правилах осторожности. Ольга оказалась на скале одна, она выполняла восхождение без страховки и защитного шлема.

По злой иронии судьбы, ее бездыханное тело обнаружила известная писательница Диана Данилевская, являющаяся, ко всему прочему, подругой погибшей скалолазки. Данилевская известна читателям как автор цикла детективных романов, посвященных горной тематике. Именно она сделала Ольгу Крапивину культовым персонажем, превратив ее в ту самую „скалолазку“, о которой был снят успешный сериал. Сейчас писательница находится в прострации и отказывается от общения с журналистами».

Другая заметка. «Причиной падения Крапивиной стала роковая случайность, которой, при известной осторожности и соблюдении техники безопасности, можно было бы избежать. Из-под ноги скалолазки вырвался нагруженный камень, и она, потеряв равновесие, сорвалась вниз. Следует отметить, что данная трасса использовалась для тренировок спортсменов не один сезон. Ветер, солнце и прочие природные явления рушат скалы, и те опоры, которые еще вчера казались надежными, сегодня становятся опасными. Конечно, досадно, что спортсменка, которая проходила стенки крутизной в 90 градусов и пятой категорией сложности, упала на самом простом маршруте. Ее смерть стала горьким уроком для всех, кто занимается этим опасным видом спорта».

И дальше: «Диана Данилевская заявляет, что продолжения горного цикла не будет. Она настолько потрясена гибелью своей подруги, прототипа героини известной книги „Скало-

лазки“, что считает кощунственным продолжение данной серии. „Она умерла. Оставьте ее в покое“, – просит она своих читателей. Но хочется спросить: *неужели со смертью Крапивиной умерла и писательница Данилевская?*»

Елизавета, наконец, поняла, зачем Максимов передал ей папку с журнальными вырезками. Конечно, он видел дальше, чем она, и сумел понять, что собранные им интервью станут отличным доказательством невиновности Данилевской. На самом деле, можно ли поверить в то, что женщины, называющие друг друга сестрами и готовые вызвать ради своей дружбы на дуэль весь мир, становятся вдруг фигурантами уголовного дела? Причем одна из них обвиняется в убийстве другой. Да это нонсенс! Абсурд!

Неизвестно, о чем думал следователь, возбуждая уголовное дело об убийстве, но Лиза была уверена, что он поступил опрометчиво. При тех обстоятельствах, которые имели место быть в горном лагере, довольно сложно провести разграничение между убийством и несчастным случаем. Конечно, нелепо, что опытная скалолазка и альпинистка с большим стажем падает с горки для новичков, но такое действительно случается. Летчик, налетавший сотни часов в военном небе, разбивается, попав на гражданский лайнер. Отличный пловец, заслуженный мастер спорта, тонет в деревенской речке. Да мало ли можно привести примеров? Стоит ли везде искать криминальный подтекст? Тем более если разбираться основательно, то вместо признаков преступления увидишь либо несчастный случай, обусловленный собственной небрежностью, либо попытку свести счеты с жизнью. Могла ли Крапивина совершить самоубийство? Дубровская почти с полной уверенностью ответила бы отрицательно. Таким людям, как Ольге, обычно не свойственны душевные копания и вялотекущие депрессии. Значит, в горном лагере в сентябре прошлого года произошел несчастный случай, унесший жизнь Ольги Крапивиной и счастье Дианы Данилевской.

Глава 6

Следователь Красавин пил чай, когда дверь, словно от порыва ветра, резко отворилась, пропуская внутрь молодого энергичного адвоката с папкой под мышкой.

– Добрый день, – проговорил он вежливо. – Сегодня отличная погода. Вам не кажется? Слышите, какая капель? Спорим, снег сойдет через пару недель, а на майские праздники мы будем вовсю щеголять в летней одежде.

Сегодня он был облачен в красивый костюм с отливом, и, если бы Елизавета была внимательнее, она увидела бы на его ногах безупречной чистоты ботинки, в то время как сапоги адвоката были испачканы грязью едва ли не на четверть.

Но Дубровской не было дела ни до мартовской капели, ни до чудесной весенней погоды. Упоминание о майских праздниках отозвалось уколом в сердце только потому, что после них мог начаться судебный процесс по делу Данилевской. Замечательный следователь, сразивший ее в прошлый раз меткостью своих физиогномических наблюдений, просто не представлял, чем закончится для него предстоящая судебная баталия. Конечно, громким поражением!

И, движимая целью спасти следователя от неминуемого позора, Дубровская с грохотом опустила папку с бумагами на стол перед его носом и, едва переведя дух, выдохнула:

– Вот! Здесь все!

– Что все? – невинно поинтересовался Красавин, не понимая еще, какую бомбу ему водрузили на стол.

– Здесь материалы, являющиеся бесспорным доказательством невиновности Данилевской. Вы обязаны прекратить дело немедленно!

Следователь как-то странно посмотрел на нее:

– Прекратить дело я, конечно, могу. Но это не моя *обязанность*, а только *право*, которым я могу и не воспользоваться, – напомнил он.

– При достаточных доказательствах, свидетельствующих о невиновности человека, это ваше право превращается в обязанность, – настырно проговорила Дубровская. – Полистайте вырезки, и вы убедитесь, что Данилевскую и Крапивину связывали такие узы дружбы, что говорить о взаимной неприязни, послужившей поводом к убийству, просто абсурдно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.